

Сборник рассказов «Старо поле»

КОВРИГА И КОВРИЖКА

Есть в Исетском Зауралье деревня с необычным именем Коврига. Основали её старообрядцы-двоедане. Селились они по глухим местам, чтобы не сразу нашли, не нарушили святость обрядов.

Кто был первым поселенцем-коврижанином сейчас наверняка не узнать, никому не сообщали того двоедане. Фамилия его была Сычёв, Мурзин или Старцев – их и сейчас в деревне больше всех. А может, и сразу втроем со своими семьями пришли. Понравилось им место: на краю берёзового леса, тополя у реки, со степи не видать. Исеть рядом растеклась лабиринтом проток и стариц. А главное: прямо на широкой плоской пойме, среди речных рукавов – холм, как подовой хлеб – коврижка. Может, посчитали мудрые старцы: «Неспроста он тут – место, наверно, особое. Сам Бог указывает». Так и поселились напротив холма, который называли Коврижкой. А по нему и новую деревню Ковригой. Стали строиться, благо лес-то рядом. Ограды в моде были высокие, да постройки квадратом, как крепостные стены, по великорусскому и северному обычаю.

А народ прибывал. Вот уж дети переженились, внуки пошли, стали из других деревень невест привозить. Леса скоро не стало, весь рядом вырубил, да и место занял. Разрослась деревня.

С самого основания стала Коврига хлебобобной, да и как не стать на таком-то чернозёме. Появились и мастера, всё сами делали. И, уж конечно, рыбаки. Всякий коврижанин лодочку имел: «На реке да без лодки?»

На Коврижке уху варили по весне, собирались суровым мужским обществом, обсуждали общинные дела, совет держали, о том ещё долго память жила. И до сих пор в половодье съезжаются на Коврижку рыболовы. Поговорят, поделятся новостями подальше от суетного хозяйства, вроде как больше станут – гребут степенно, не спеша.

А внезапная буря, что весной не редкость, бывает, загонит на этот единственный сухой клочок во всей пойме и поневоле. Там ненастье и переживали. Любили Коврижку. Из всех огородов её было видать. Нет-нет, да и глянут:

– На месте?

– Тамо стоит.

– Ну, стало быть, всё ладно будет.

Летом, на широкой Рёлке за ближней протокой Баранихой, пасли кормилиц-коров. Пастухи взбирались на Коврижку и оттуда, как с каланчи, следили за стадом. А уж видно-то с неё было далеко! Поля и колки, зелёная речная пойма как на ладони. Будто по воздуху летишь над всем этим...

Но и побаивались её. Всё-таки необычное место.

Может, ещё древние вожди смотрели с Коврижки на своих воинов. И неспроста ведь река Бараниха – видно, баранов через неё гоняли. А кому их гонять, как не степнякам-кочевникам?

Были на холме и заросшие ямы, вроде обвалившихся погребов-голбцев. Может, селились на холме? Но кто?.. И шли про Коврижку небылицы, одна другой страшнее: прятались там когда-то одноногие мужики-людоеды, потом беглые каторжане и солдаты дезертиры, и во все времена разная нечисть. Ребятишек туда не пускали ни летом, ни зимой. Стала Коврижка вроде идола – с одного боку заступник, с другого – страшилище...

Помню, как хотелось на неё взойти, тянуло как магнитом. Где бы ни был, а всё у неё на виду.

И вот однажды иду – с отцом, один я тогда ни за что бы не осмелился, – оглядываюсь, как будто последний раз вижу и эту реку, и заливные луга, и деревню. Сначала ничего особенного, та же кашка да лютики, что и на сыром пастбище у подножья. Но скоро травы меняются, становятся реже, как на буграх у деревни.

– Смотри, вон богородская травка, – показывает отец на маленькие с синеватыми цветиками кустики. – Вон ковыль, полынка.

Трава на Коврижке и правда степная. Суслики нор нарыли, шмели с ворчанием выбирают на свет из своих подземных гнёзд. И совсем не страшно, чудно как-то.

...А ещё случилось нам с отцом и друзьями наблюдать с Коврижки солнечное затмение. Коровы, которых мы тогда пасли, так и заголосили, птицы притихли. Потемнело. Отец заранее приготовил стёкла от сварочной маски, и мы глядели сквозь них на солнце. Оно виделось зелёным шариком. С одной стороны шарик стал проваливаться. Луна побеждала, наступала «внеочередная» ночь. Вот уже меньше половины осталось, вот только узкая полоска поверху. Тут я и взглянул вниз с Коврижки на Рёлку. И стало жутко: «А если так навсегда?» Темень поглотила всё внизу, мы вроде как на острове. Из мрака орут коровы. Но не бегут, как вечером, домой. Оцепенели. Оцепенел и я. Показалось: вот сейчас лопнет Коврижка как пузырь, провалится, и выйдет из неё какое-нибудь чудо-юдо...

Но темнота начала светлеть, растворяться. Солнышко прогнало, наконец, луну и опять уже греет. Птицы – чибисы, чайки, стрижи – зашпорили: «Было ли что? Может, не было?» Коровы как ни в чём не бывало, наполняют желудки. Да и нам на росистой Коврижке только стёклышки в руках о затмении напоминают. А может и правда, ничего не было? Но почему-то потихоньку спускаемся вниз к коровам...

Летом, как просохло с половодья, у подножья Коврижки наметили футбольное поле. Прорыли в дёрне канавки и заполнили их чёрной илистой землёй. По вечерам мужики стали на нём гонять мяч. Скоро вся деревня, и стар и млад, собиралась по субботам на высоком Коврижском склоне-стадионе болеть за свою команду. Приезжали на коврижское поле играть со всего района. Нигде такого стадиона не было.

А дедушка Михаил-лесник насадил на Коврижке сосёнок. Прижились. Зимой не погибли. Хотел дед Коврижку укрепить, ну, может, и чтобы его помнили. Да чья-то злая рука выдрала уже крепенькие деревца с корнем и бросила тут же.

– Кто? Зачем? – спрашивали мы отца.

– Да не наши, чужие какие-то пришли, – пояснил отец. – Не могут коврижане Коврижке навредить...

Но однажды вся деревня собралась на буграх, куда открывались деревенские улицы и переулки. Все смотрели, как копали Коврижку бульдозером. Жёлто-бурую глину грузили в кузова самосвалов и везли на новую плотину. Не понравилось рукотворное русло Баранихе: пошла она по загороженному когда-то протоку Узенькому и оставила больше чем полдеревни без воды. Долго рыли Коврижку, но всё же не свернули с Рёлки. И по сей день привлекает она удивлённые взгляды приезжих.

– Это что за чудо?

– Коврижка.

– А откуда она?

– Да всегда была, ещё до деревни.

Так слава о ней и разошлась. Приехали именитые учёные покопать, поискать: не могли древние люди Коврижку не заметить, следы какие-то должны оставить. Похоже на царский курган, да и так место приметное. Покопали, искали да и уехали. То ли нашли чего, то ли нет, не сказали. Темнят – решили мужики.

Так и осталась она тайной неразгаданной. Как и сотни лет назад взбираются на Коврижку пастухи, причаливают рыболовы. Притягивает она сильных да добрых. Ну а тех варягов-находников, что грызли и точили её столько лет, уж и не помнят почти. Кто из руководителей приезжих давно в город перебрался, зачем ему холм-то этот; кого уж и живого нет. А Коврижка всё стоит. Выситя, не сдаётся. Да и как Ковриге без неё. При ней родилась и выросла, при ней и жить будет.

ОТЦОВСКИЙ УРОК

Была середина августа. С покосом уже поправились, а урожай ещё не поспел. Вот и выдалась передышка. Собрал отец как-то к выходному нашу компанию и велел всем бежать домой сказаться, что, мол, дядя Никита на рыбалку зовёт с ночевой.

Вечером взгромоздились на наш старенький «Юпитер» и пустились в путь на озеро Убьённое, что по правде и не озеро вовсе – пруд. Карасишки там все мелкие, но вкуса такого нет больше ни у каких. Большие караси-лапти из стариц и озёр обычно припахивают тиной, а эти нет. Эту особенность карасей отец объяснял по-своему: «Мелкие оне из-за гольяна, он им корму не оставляет; а что запаху нету, так это от того, что пруд молодой, ила не накопил».

Ехали недолго. Вот и «наше» место. С надувной лодкой и палаткой справились быстро. А вот с сетями-гольянницами, названными так из-за мелкой ячеи, провозились больше часа, очищая от соломинок и высохших водорослей.

Отчаливая, отец наказал запасти дров и развести костёр. Поначалу мы весело носились по пригоркам и логам, потом стали сникать – на всём берегу не нашлось и маломальской палки, лишь две страшнющие корявые берёзы выглядывали из оврага. Видать, пастухи всё, что горело, давно выбрали...

Ждём на берегу, прислушиваясь к всплескам. Вот из-за тростников показалась отцовская лодка.

– А где костёр-то, молодцы? – сам чуть не смеётся.

– Так дров-то нету.

– Взяли бы топор, вон берёзы-то!

Взяли мы топор – и вперёд.

– Сырые они, да и не срубите, бестолковщины! – крикнул отец вдогонку.

Затея с дровами была придумана нам на развлечение: всё одно время коротать. Оставил он моих друзей стан караулить, а мне велел заводить мотоцикл. В недалёком колке наломали мы полнёхонькую коляску валежника и сушняка.

– Вот видишь: и лесу польза, а вы – берёзы рубить...

– Так сам же сказал.

– Думать надо.

...Обратно ехали при свете фары, пробираясь через ложки и холмики по еле заметной дорожке. Когда выключили мотор, тяжёлая тишина будто обрушилась вдруг, вытеснив всякие звуки. Незаметно все перешли на шёпот, даже отец будто охрип. Хотя, наверное, показалось – он ведь мог один и в лесу, и в лугах всю ночь провести.

Раскладываем костёр, ломаем нестерпимо громко трещащие ветки. Странная это штука – огонь. Вот только что не было его, и мир был вроде как чужой. Сидели, прижавшись друг к дружке, да так, чтобы ни шороха, ни звука, а уж к воде пойти – ну как на кладбище. А заиграл синевато-жёлтый язычок, и всё: спины распрямились, голоса окрепли, и за пригорок пойти – да пожалуйста!

Соорудив таган из припасённых там же в колке шаражек и жерди, отец зачерпнул прозрачной уьённовской воды прокопчённым котелком и повесил его над костром. Мы сбились вокруг огня и радовались, а чему – и не сказать.

Отец деловито готовил уху, поручив нам почистить рыбу. Мы взяли нож-складешок и вприпрыжку к лодке. На дне по капле собралась вода с весла, карасики плавали там как в бассейне. Чистить срядились тут же, на доске-сиденьи. А темнота в августе густая да глубокая. Только мокрая доска, нож да рыбка едва блестят в свете звёзд и сумеречного западного края неба, да угадываются тугие баллоны-борта.

– Эх, фонарик бы...

– Так у меня сухое горючее есть, – осенило Олега.

– Давай поджигай...

У Олега всегда водились разные диковинки: то вот сухое горючее, то охотничьи спички, что и водой не потушить... Он быстро извлёк из кармана таблетку, положил на мокрый от росы баллон и поджёг.

С очередным карасём я расправился втрое быстрее, начал шарить следующего, и тут под тускло светящей таблеткой вздулся бледно-зелёный шар. Брикет упал в траву и зашипел. Затем раздался

оглушительный хлопок, пузырь лопнул, и сразу начал опадать передний баллон. На месте пузыря, трепеща рваными краями, зачернела большая дыра.

Потащились мы, молча, на пригорок к костру. Отец коротко допросил, свернул лодку и уехал, оставив нас наедине со своими думами.

Долго сидели мы у костра, прихлёбывая ароматную уху и потягивая чай из смородинового листа. Ночь выдалась ясная, звёзды разбежались по небу, и было их столько, что разум мутился. Казалось, от каждой идёт какое-то древнее вечное живое тепло. Так только в августе бывает, что звёзды греют. Осенью, а тем более зимой, каждая мерцает, как холодный кончик иголки, пронзая своим светом и холодом до костей.

После полуночи на востоке занялась оранжево-красная зорька, а вскоре выплыла огромная румяная луна, и тепло теперь шло уже от неё. Благодать! Но упрямые мысли нет-нет, да и опять напоминали о том дурном костерке. Негромкая беседа обрывалась, и сразу вся прелесть ночи меркла, уступая место какому-то томительному ожиданию: «Что же утром, как казнить-то будет?»

Лёжа в палатке, долго слушали ночь. Тишину заполнил комариный писк – наверное, со всех логов слетелись к теплу и свету. Постепенно начали вплетаться прочие звуки. Из-за Исети долетел грустный, зовущий стук поезда. Ячменевские петухи затеяли переключку, отмеряя ночное время. Чей-то мотоцикл трещал и подвывал, двигаясь от Ковриги до Загайновой. Всё казалось каким-то нереально далёким. Шелест травы от ночного ветерка за брезентовой стенкой, возгласы какой-то птицы да комары – всё это приобрело особый вес и значение. «А лодка-то, а отец-то как?» – опять откуда-то из глубины сознания возникал вопрос, возвращая назад на землю, и мир опять становился обычным с его суетой и напастями.

Издали зарокотал знакомый мотор. Я быстро выбрался из палатки, ребята ещё спали. Стал раздувать костёр. Комары, наверное, ждали тут же в траве – так и впились, не оставляя живого места. Застучали зубы – под утро всегда самый холод.

Отец ехал ещё долго, я услышал его у Ячменского бугра, а это километра два по прямой. Встречи ждал и боялся. Застал он меня у пылающего костра дрожащим от холода, с измазанным золой и сажей лицом. Из палатки тут же высунулись ещё три физиономии.

– Ну чо, не дурели? – раздался бодрый и даже, казалось, весёлый отцовский голос. Как ни в чём не бывало отец отвязал с коляски целёхонькую, накаченную уже лодку, на переднем баллоне которой виднелась аккуратная круглая заплатка. Мы бросились ему помогать в надежде умерить ожидаемый гнев. Сами себе мысленно уже давно всё высказали самыми отборными словами, какие тогда знали.

Так же спокойно, как вчера, спустился отец с лодкой к воде. Мы молча за ним. Даже Шурик с Вовкой, которые и виноваты не были ни в чём. Шли, понунив головы. Но нет, и как вернулся с сетями и рыбой – ничего, и дома тоже...

Уж сколько лет прошло, а при встрече всё вспоминаем те два костра – добрый да дурной. Может, поругай отец нас тогда, и не запомнилось бы ничего. А так, навсегда остались и отцовский голос, и тот огонёк на резине...

ЛУКЕРЬЯ-КОМАРНИЦА

Выпал нам в тот год черёд пасти деревенских коров на конец мая, это по первому кругу, и надо же: в аккурат на Лукерью-Комарницу – двадцать шестое число, а по старому стилю и вовсе тринадцатое.

День выдался тёплый, но пасмурный. Отец назвал его «нерассветай». И точно – до самого вечера солнце так и не показалось.

Отец ушёл на поскотину рано, мне показалось, ещё ночью. Тихо уходить он не умел, поэтому я и запомнил, хоть и уснул потом. В половине седьмого меня разбудила мама. Собрала, как положено, и, вооружив вицей, отправила, зевающего, к отцу. С поскотины кучками шли мужики: кто молча глядел себе под ноги, кто весело переговаривался. Женщины шли особняком,

вполголоса обсуждая огородные да домашние дела. Несколько запоздавших хозяев только ещё гнали собранные у двух-трёх соседней коровьи табунки. Послушные Марты и Пестрёнки степенно вышагивали, целеустремлённо нацелив крутые рога и оставляя дорожки дымящихся лепёшек.

Растущее стадо теснилось в проулке, сдерживаемое отцом и сестрой. Коровы время от времени трубили низким басовитым гулом, невыспавшиеся телята несмело вставляли свои голоски в общий шум.

Когда стадо собралось, отец дал слабину, тут же двинулись самые горластые из первых рядов. Тронулись, подняв рога, и те, что орали позади них, и уже всё стадо зашевелилось, как одно существо: «Еды-ы-ы-ы». Следом пошли и мы.

Ветра в то утро совсем не было, неподвижный сырой воздух придавливал густой печной дым к самой земле. По всей округе вместе с едким запахом горящих берёзовых дров расходился аппетитный аромат свежего хлеба, варёной картошки и ещё чего-то очень вкусного. И хотя дома накормлен был впрок, вертел головой, стараясь определить, откуда такая благодать.

Когда за деревней дымы кончились, мелкая мошка с мерзким писком облепила лицо и руки, забила в волосы, защекотала в носу. Длинные коровьи хвосты так и заметались над спинами, нещадно обрушиваясь на крутые бока.

На Деонисовом бугре решили всё-таки остановить разогнавшееся стадо. Меня, как самого легкого на ноги, отец направил вперёд, сестру – вправо, а сам пошёл обходить стадо слева. Мало-помалу наши подопечные вспомнили зачем бежали и начали хватать майскую травку. Над каждой вертелся кровожадный рой. Бурёнки вскидывали головы, хлопая ушами, не переставая взлетали и опускались хвосты.

Ветер – наша надежда – обычный в межсезонье, так и не поднялся. Тёплый воздух оставался неподвижен, как в парнике. Отец развёл костёр-дымник. Дым стал постепенно покрывать коров. Лёгкое движение воздуха всё же сносило дымок, да и топлива было мало. Один мой глаз уже заплыл от укуса, руки покрылись нестерпимо зудящими волдырями.

Вдруг услышал отцовский крик: «Лось!» Оба с сестрой взбежали на бугор, и верно: очертя голову, откуда-то из Петушьего Лога прямо по кочкарнику и болотцам мчится лось. Перескакивает через щёбёночный грейдер, не сбавляя ходу бросается в неопавшую с половодья реку, в считанные секунды перемахивает её и несётся дальше по непросохшей Рёлке. Что заставило осторожного зверя бежать меж двух деревень через пахнущую бензином дорогу? Отец объяснил: Комарница.

Коровы наши, кажется, тоже готовы бежать и побежали бы, не будь нас. Уже телята носятся вокруг стада, даже матёрые кормилицы глядят мутными глазами кто на деревню, а кто – в поля. Многие протяжно затрубили. Нас, пастухов, спасла мама, отыскала-таки где-то «Дэту» – комариную мазь, принесла. Но коров-то не намажешь.

Промучились так часов до четырёх. Коровы против обыкновения ни разу за этот день так и не легли, простояли, обиженно глядя на нас исподлобья.

Молока вечером мама надоила втрое меньше. И другие хозяйки тоже жаловались. Но никто не пенял: что сделаешь – Комарница.

СТАРО ПОЛЕ

В этот год управились с сеном быстро, за неделю. В воскресенье скосили, а в следующую пятницу на закате уже стоял на положенном месте ладненький душистый зарод.

На другой день отдыхали, и даже вечером удалось посмотреть телевизор. Мама умиротворённо расположилась на диване, сложив на коленях натруженные руки. Конечно, фильм вскоре прервала реклама: замелькали яркие картинки – вот сияющая бабушка разливает по кринкам молоко, гордые коровы смеются над шуткой гусей... А в конце ролика голос за кадром: «Хорошо иметь домик в деревне!»

– Эх, вас бы да на Старо Поле! – проговорила мама...

Старо Поле. Даже отец не мог объяснить, почему урочище, где был наш покос, так называлось. Добирались туда, если не мочило, по лесным и полевым дорогам около получаса; после дождика, да и то, если повезёт, вдвое дольше. Покос раскинулся на трёх больших полянах, разделённых болотистым осинником и пашней. Почти со всех сторон к полянам подступал лес, поэтому сено сохло плохо, и возились с ним довольно долго...

Косари-трактористы добрались до нас как всегда поздно, выкосив в погожие дни все ближайшие к деревне покосы. Когда на центральную поляну, тархтя, выехал краснобокий «Владимирец», отец был уже на взводе, хоть и старался не подать виду.

Густое, сочное, цветущее на тенистых опушках разнотравье за трещащей косилкой ложилось ровным душистым ковром. Довольные отец и мать неспешно переходили с края на край, проверяя качество работы. Когда трактор уехал, мы отправились окашивать края.

Отбитая и отлаженная литовка легко пролетала оберук, с победным звоном откидывая назад тяжёлый травяной вал. Вскоре мама пригласила к «столу». После радостной и, главное, оконченной работы любая еда особенно вкусна, а тем более в тени распаренных на солнце берёз, на приятно-прохладном духмяном ветерке. По мере насыщения липкая полуденная дрема всё сильнее овладевает телом, веки слипаются, голова тяжелеет, так и просится прислониться куда-нибудь.

– Алексей, ты хоть бы груздей поискал, – разорвал истому отцовский голос. А мне того и надо, давно уж по лесу не бродил. Вставать, однако, не хочется. С трудом поднимаюсь и, взяв освободившуюся после обеда котомку, иду в лес.

Сам отец тут же растянулся на штормовке, спрятав лицо от неуёмных мух и слепней. После еды его изрезанному докторами желудку необходим отдых, иначе отец не работник. Мама, по случаю поездки на покос вставшая ещё раньше обычного, прикорнула рядом, закрыв голову платком и накинув старенький плащ.

Торопиться было некуда: траве предстояло сохнуть не меньше двух дней, превращаясь в сено. Не спеша обхожу березняк. От недалёкого болотца лесная земля, несмотря на недельную засуху,

кажется сырой. Под буро-жёлтым прошлогодним опадом почти сразу различаю аккуратные бугорки, тихонько разрываю их. Ага, грузди! Стоят, красуются, подняв кучки листвы и веточек, как на показ хвалясь силой и удалью. Наломал полсумки.

Дальше пошёл осинник. Перелезаю толстенные валежины. Тут уже не то. Под ногами и вовсе хляби. Комарьё назойливо пищит и звенит, примеряясь и прицеливаясь. Где уж тут грибы искать!

Направляюсь на опушку. Тут меня встречает крупная, красная, небранная, не мятая никем лесная клубника. Скинул кепку и давай срывать ароматные ягоды. Эх, кабы всё лето так!..

Но тем и трудна крестьянская жизнь, что не только от себя и от начальства – от Бога шибко зависит. На следующий день красное закатное солнце опустилось в рыхлые горы чёрных туч. Отец помрачнел.

Утром сквозь сон услышал я тяжёлую дробь дождевых капель и сокрушённо-отчаянную красноречивую отцовскую речь о погоде, далёком покосе и запоздавших косарях.

Дождь к полудню стих – ранний гость до обеда. Но уже почти готовое сено было подпорчено, а главное, чернозёмная польская дорога стала совсем непроезжей. Долгого вёдра уже не бывало.

Сено ворошили, копнили с солью, раскидывали обратно уже смётанные, загоревшие от проникшей влаги стога-зароды. Какие уж там грибы да ягоды... Мы их и не видели совсем – сеногной не давал. После таких сумасшедших дней ночные сны были наполнены серым, пахнущим гнилой картошкой сеном.

Особенно запомнились поездки на покос и обратно. Завидев накатывающие тучи, мы на скорую руку, как ошпаренные, начинали утроенно закидывать начатый зарод в надежде уберечь хоть какую-либо малость от дождя. Заталкивали инвентарь в ближайший куст черёмухи и без оглядки мчались на мотоцикле к дому. Неумолимая туча, конечно, догоняла нас и обливала дождём. Спасали только водительское мастерство отца да тридцать восемь «лошадей» «Урала». Липкая грязь, описывая длинную дугу, летела из-под заднего колеса, вода вскипала, попадая на раскалённые цилиндры. Мотор ревел, а тяжеленный мотоцикл скакал с обочины на обочину в опасных дорожных колеях.

Промокшие, измотанные и злые, возвращались мы домой. На покос попадали в лучшем случае через день, а чаще на третий-четвёртый. Однако терпение и труд всё перетрут. И в тот год сено заготовили. Корова, хотя и выбирая, всё же съела его к весне, изрядно насоленное и разбавленное соломой. Родила здоровую тёлочку и сама не захворала.

После нескольких лет таких мучений отцу удалось всё же взять покос поближе, но и тут работы хватает...

На экране вновь тот же ролик. Да... Вот бы его создателей – бригада, поди, немалая – и на покос в погожий денёк или на пастбище, слепней кормить! Может, тогда пооригинальней чего придумали бы.

СОЛОВЬИНО

– Ну, чо, рыбачок, айда поботам! – предложил как-то утром отец.

– Опять на Убьённо?

– Нет, на Исеть.

На тележку погрузили лодки и свезли на реку. Спрятали повозку в кустах, отчалили. Отец так и засиял. Оглядывая реку и берега, отдыхал на стрежи. Поток затягивал лодки во вновь размытое русло – Узенькое, что соединило два рукава Исети, Бараниху и Исток. Плотина сооружается тут почти каждое лето, сдерживает накатывающую на неё Бараниху. Но река потихоньку подгрызает берега, возвращаясь на облюбованное место, то выше, то ниже плотины.

Минуя буруны от комьев плотного матёрого берега, как из трубы вылетаем на простор Истока. Течение прижимает лодки к длинному грязно-жёлтому острову.

– Гребь проворней, – командует отец, энергично налегая на весло.

Исток несёт нас всё дальше, у трепещущих полузатопленных тальников, у заросших камышом голых отмелей.

– Вон Соловьино-то! – кричит отец.

– Где? – озираюсь я в ожидании увидеть знаменитый остров.

– Да вон видишь берег крутой, чёрный-то!

Впереди действительно чёрная стена обвалившегося подточенного берега.

– А почему остров? Вроде не похоже...

– Так протоку-то затянуло, да ещё гать сквозь неё клали. Илом засадило, давно туда на тракторах ездят. Всё тальником заросло.

Берег Соловьиного тянется неожиданно долго. Безобразные кучи сухого тальника – чуть не до середины русла: хватают из-под воды за лопасть весла.

– А чо кусты в самой реке?

– Лет, поди, тридцать как их сюда бульдозерами спихнули. Луга под сенокосы расчищали. Черно было в лугах-то, всё выдрали. Да ноне кустами же всё опять и заросло. Над рекой да над лугами только нагалились. А старики-то говорили: «Ково жо вы, робята, делаете, ить тут и птичка и зайчик спрятаются». А мужикам чо, дали разнарядку – выполняй. Летом-то на Соловьином сколь хорошо бывало! Соловьи поют – в Ковриге слышать.

Отец замолчал, предаваясь, видно, светлым воспоминаниям. Внезапный удар весла об очередную подводную ветку вмиг согнал с лица счастливое забытьё.

– Вот кусты и лежат уж сколь годов. Раньше, бывало, с сетями тут плавили-неводили, чистые берега-то были. А нынче не сунешься, одни задевы.

Скоро открылась неторопливая Исеть, два рукава опять сливались и дальше уже несли воду вместе.

– Померь-ко, сколь глубина-то! – предложил отец.

Взял за лопасть, сую длинное, под три метра, весло в воду. Не достать!

Поставили сети в протоке. Потихоньку, чтобы излишне не будоражить воду, крадёмся в заросшую роголистником даль. По берегам дикое сплетение тальника и сочных камышей, череды да крапивы. Воды уже не видно, плывём, разгоняя веслом ряску.

– Ну, хватит! – говорит отец. Разворачиваем лодки, встаём, упираясь ногами в борта. Поднимая столбы воды ботаем и насколько возможно быстро плывём к сетям. А в них выбирать почти нечего. Два окунька да чебачок-сквознячок, которого тут же и отпустили.

– Не густо! – огорчается отец, – должно быть дождь будет, вон чо у Замараевой накатывают.

Северо-западный край, и правда, темнел, наваливающимся дождевым заслоном.

– Давай на берег, лодки подопрём, пересидим, – предложил отец.

Причалили к крутому мысу Соловьино, втащили лодки и, повернув их днищем к наступающей грозе, подпёрли доской-сиденьем. В тот же миг замершие кусты смял-заломал взбесившийся ветер. Высоко на серо-синем небе забелели изодранными бумажками улетевшие от земли и воды чайки. Где-то бухнул гром. И понеслось...

Под лодкой сухо и тепло. Лежим, переговариваясь, стремясь перекричать слившиеся в монотонный гул удары капель.

– Вон чо раздурелось! А вот рыба-то, поди, с утра знала, что гроза будет...

Голос отца заглушил треск нового разряда, алюминиевый борт моей лодки так и задрожал.

– Ух, чо верескат! В воде сидит рыба-то, а как-то чует, что дождь будет.

Гроза стремительно удалялась в сторону Шадринска. Дождь ещё колотил в умытое дно лодки, но небо светлело, обдавая землю матовым без теней светом. Трава и кусты нежно заблестели освежённой зеленью.

– Посмотрю, что оно за Соловьино, – выползая из-под лодки, объявил я.

Остров зарастал. С краёв и от гати ползли завоеватели-тальники. Тонкие длинные вицы молодых кустов надёжно спасали остров от вторжений. Сенокосной площади осталось не больше четверти острова, все края отобрали себе щавель, осот да крапива.

Вон с берега катушки бобров, вон трава притоптана – косули, наверно. Приволье им тут в кострах да тальниках. Вдруг вся округа празднично засияла, из последних клочков улетающей грозы вынырнуло солнышко.

– Ну, где ты? Сейчас лов-от начнётся! – позвал от лодок отец.

Возвращаюсь.

– Чо-то ничего особенного я на этом Соловьином не углядел.

– Да чего уж тут глядеть-то! Вот раньше бы, – хмурится отец. – Скоро и имя-то забудут. Ты вон первый раз увидел, а иные и не знают вовсе...

Через несколько лет случилось мне побывать на Соловьином. Остров почти весь зарос тальником и черемухой. Трава выдурела метра под полтора – никто уж давно не косит в лугах. И захотелось оказаться на Соловьином в ранний час майского дня, узнать, вернулись ли соловьи...

ЕЗДЮКИ

Терпкий польской воздух, несмотря на ранний час уже тёплый от опустошённой, но ещё не уснувшей на осень земли, встречает тело податливой стеной, упруго обтекает его, со свистом уносясь куда-то назад, путается в полах куртки, в нестриженных-нечёсанных отгоревших за лето волосах.

Старенький «Юпитер» с воем несётся по набитой грузовиками и тракторами Озёрошной дороге. Полузажмурив глаза от косых утренних лучей, выворачиваю ручку газа. Позади, вцепившись в поручень, – Олег, в коляске – Вовка. Правлю в Коврицку Дуброву – большой осиново-берёзовый лесок.

На полях желтеет коротко постриженная стерня. Аккуратные ряды соломенных копен ещё не смётаны, от этого пейзаж кажется каким-то торжественно неоконечным. Всё будто замерло на миг и вот-вот встрепенётся, зашевелится, расходится в могучей суете. Уже блестят у стана солнечными бликами в стёклах железные кони. Новенький бригадирский мотоцикл уже мелькает в Озерках, краснея между копён и кустов, деловито убегая на поля третьей бригады.

А мы – бездельники, догуливаем каникулы. Мчим в Чёрны Куста – заросшую черёмухой сырую котловину на краю Дубровы. Там среди берёз да черёмухи самое место груздям. Вчерашний утренний дождишко, незамеченный в поле и деревне, как маслом полил и без того

почти всегда сырую лесную дорогу. Пускаю послушную машину покосом, и так потихоньку добираемся до Ёлочек – сосновой посадки.

Растекаемся по рядам сосёнок искать маслята, выползшие в тепле скользкими пуговками ядрёных шляпок. Прочесав Ёлочки, переходим сырой покос, в неярко белеющий на фоне чёрных черёмуховых кустов состарившимися берёзами лес. Нагибаясь, пролезаем в черёмуховых дебрях. «Грузди!» – кричит Олег. Вскоре натыкаюсь на выводок и я. А где-то слева уже ликует Вовка. Чёрны Куста нынче не подвели. Довольные, с добычей идём обратно к мотоциклу.

– Дальше куда? – с надеждой спросил Вовка.

– Погнали в Ондрюшино, – великодушно объявляю я. – Там обабки должны быть.

Всё той же дорогой выбираемся на Грань – ряд раскидистых берёз, разделивших когда-то давным-давно пашню на Коврижскую и Ячменскую. И опять взвихряем сизый дымок от выброшенного выхлопными трубами несгоревшего масла, поднимаем чернозёмную пыль с просыхающей дороги. Перед нами кто-то уже успел-проскочил: ровный мотоциклетный след чётко отпечатался на взбитой дождём и уже высохшей пыли. Скоро он уходит направо, обходя колки и осинники Ондрюшиного болота. Мы же мчим прямо, по подрастающей на покосе траве.

На кромке леса заглушаю мотор. Лес, безмолвствуя, замер в ожидании чего-то. Ни шороха. Только осины мелко дрожат листвой. Воздух набряк и отяжелел. Небо, чуть очистившись к утру, опять подёрнулось серенькой хмурью.

В лесу краснеют пучки костянки. В Ондрюшино у сырых болот она всегда крупная да сочная. Летом болотца, правда, высыхают, но в глубине под осиновыми корнями и валежинами вода не иссякает даже в июле, делая этот лес свежим и празднично зелёным. Приятная прохлада кисло-сладких плодов бодрит, горстями обрываем их и с хрустом жуём.

– Бидоны забыли, – жуя, пролепетал я.

– Давай в каску, – Олег снимает старенький зелёный пластмассовый шлем.

Вскоре собирать надоело, быстро расправляемся с урожаем и широким шагом идём прочёсывать лес в поисках обабков.

– Чо-то нет ничего, – всё больше скучая, проговорил Олег.

– Может, к мотоциклу пойдём, а? – предложил Вовка.

– Только, чур, вон тем краем. Там ещё не были, – в надежде указываю рукой в сторону. – Должны же быть обабки-то, куда им деваться.

Но грибы, видать, не уродились.

– Погнали за опятами. Помнишь, на той неделе наломали, – Вовке явно домой не охота.

Несмотря на сырость, едем по лесу. Несчастный старичок-мотоцикл надсадно воеет. Но весу в нас не много, и он сносно везёт, лишь изредка срывая колесом намокшую грязь, выбрасывает ее на придорожные берёзы.

– Смотри! – кричит Олег, указывая на дорогу впереди.

– Вот, блин, – заворачиваю вправо руль мотоцикла.

Прямо на дороге огромная лужа – затопленная водой колея – след проехавшего лесом трактора. Не удержала его вздувшаяся земля, увяз по оси и разворочал дорогу, выползая на твёрдую землю. Удивлённо смотрю на пронсящиеся мимо стволы. И как получается не задеть? Мотоцикл с неожиданной лёгкостью перескакивает иструхшие упавшие стволики и сучья, подминает боярку и крушину. Петляя, объезжаем испорченную дорогу.

Вдруг переднее колесо подскакивает, соскальзывая влево. Отрешённо разглядываю серый давнишний пень рядом с рамой коляски, только и успеваю зажмуриться и стиснуть зубы, и... бабах... Мотоцикл, взревев напоследок, резво взбрыкивает и глохнет, взрывая лесную подстилку задним колесом. Открываю глаза. Олег лежит метра за два впереди в небо лицом. Мигом оказываюсь рядом: «Убился».

– Эй, живой? – с опаской тереблю его за плечо.

– Ага, – осторожно отвечает Олег.

– Чо он? – возник рядом Вовка, потирая пришибленный о ветровое стекло коляски лоб.

– Живой, – констатирую я, поднимая Олега.

– В башке звенит только, – громко с белокаменным лицом проорал Олег.

– Нигде не болит? – озаботился Вовка.

– Да нет, – по слогам проговорил Олег. – Я сейчас в коляске поеду.

Собрали рассыпанные по дну коляски грибы, оттащили мотоцикл, едем дальше. Возле аккуратных хозяйских зародиков, по выгледанному лесному выпасу, среди «постриженных» снизу колхозными коровами нарядных белостволых берёз, вдоль давно убранного поля к плотинке Падунов.

Падунский мостик – загородившую ручей Падун земляную плотину с железной трубой – форсируем, втроём толкая мотоцикл по краю глубокой колеи.

Опята встретили в прохладном, наполненном грибным духом березняке, облепили пеньки жёлто-румяными широкополыми шляпами, словно сговариваясь о чём-то. Тихонько, чтобы не память, срезаем их и в сумки.

С полными котомками едем дальше в поля. Вот уже мелькают незнакомые колки и покосы. Скоро кончились вспаханные пары, пошли нетронутые ещё комбайнами пшеницы да ржи, обдавая волнами сыровато-сладкого настоя на спелых хлебах. Дорога повалилась на скат, вынырнула широкая долина речки Самчихи. Зажелтели понькинские поля, среди берёз неуместно инородной серой лентой замелькал Челябинский тракт.

– Тут вроде весной волков видели! – кричит из коляски Олег.

– А ещё, говорят, кабаны по кустам ходят, с поросятами! – перекрывая рёв мотора, кричит Вовка.

– Так чо, до Самчихи не поедем? – кричу я.

– А если мотоцикл опять сломается как прошлый раз, три часа копались, – напоминает о грустном Олег.

– Тогда свечку забросило, ерунда.

– Ага, а мы чуть весь мотор не разобрали.

– Ладно, к дому повернём, – всё же боязно как-то и до деревни далеко.

На знакомых полях осмелели, домой ехать опять раздумали. Стали шастать по ячменским угодыям: то грибы посмотреть, то вишню – дорога тут самая лучшая, её чистят, подправляют, дважды в день по ней проходят молоковоз да машина с доярками. Петляли по лесным дорожкам долго, и ничего не найдя, наконец, уже просто катались.

А небо, в конец отяжелев, будто лопнуло по шву, посыпало на землю редкие крупные горошины тёплого дождя. Рассекая плотные редкие струи, направились, наконец, домой по полям и покосам, среди копен и зародиков, к деревне.

Впереди Озёрошной дорогой не спеша катит мотоциклист. В секунды догоняем его, и, провалившись в пыльное облако, обогнать никак не можем. И так и этак пытаюсь, а он как не видит – и дорогу не уступает, и ходу не добавляет.

– Да он чо, спит что ли?! – возмущённо кричит Вовка.

– Всё равно обгоню.

На поле слева от дороги свои дела. Комбайны докашивают-дожинают вчерашний недодел. На краю, подняв жатку, разворачивается огромная ярко-красная «Нива». Тут небольшая колдобина заставляя моего соперника и вовсе сбросить газ. Пыль на повороте снесло в сторону, да и от дождя меньше её уже стало. Обрадованный, я вывернул ручку газа. Мотоцикл, подскакивая на придорожных заросших канавках, мчится между двумя красными машинами: новеньким мотоциклом и комбайном.

Жатка грохотала у самых наших голов, скрывая нас от глаз комбайнёра. Пространство для манёвра всё сужалось. Только бы мотор не заглох! Инстинктивно припадая к баку, вжал дурную башку в плечи. Ещё рывок, наша коляска проносится в нескольких сантиметрах от колеса красного мотоцикла, и опускающаяся жатка остаётся позади. Довольные одержанной победой, первыми подскакивая в колеях, перелетаем Озёрошный лог...

На другой день отец, придя на обед, так нас отчихвостил, что стало ясно: откатались. А вечером Олег передал мне высказывание его дяди Миши, который и был тем комбайнёром: «Ездюки...» И Олег, смутившись, закончил фразу ядрёным словечком с дядиной интонацией.

ОХОТНИЧКИ

Сидим вдвоём с отцом на берегу старицы Хомутины. Формой озеро и правда как хомут – почти замкнутый и полужаросший, растянутый с запада на восток круг. Ширина небольшая. На другой стороне всё те же корявые, перевитые тальниковые заросли да высоченные тростники. Чистой воды мало. С края на край медленно дрейфует зелёное колючее поле телореза, подгоняемое лёгким прохладным вечерним ветерком.

Я опоясан патронташем, с ружьём в руках. Высокая трава да шиповниковый куст неплохо нас скрадывают.

Моя добыча – две косатых – плавают в воде. Собирать пока рано. Ждём.

Сверху слышен тонкий свист. Поднимаю голову. Табунок – семь уток. Прицеливаюсь в первую, стреляю...

Утки поворотом головок провожают замедляющийся заряд. «Далёко», – говорит отец. Но я жму на второй крючок, и его голос тонет в громе нового выстрела. Утки удалялись, только крылья мелькали.

Опускаю ружьё и вынимаю из дымящихся стволов очередные опустевшие гильзы. Бросаю их со звоном в большой, уже изрядно пополневший карман куртки. Тянусь за следующей парой.

– Пошто патроны-то жгёшь? – укоризненно смотрит на меня отец. – Вот бы сейчас дедушко Фёдор живой был, он бы тебе дал жару-пару!

И пускается рассказывать в сотый раз знакомую историю. Молча слушаю и озираюсь: не летят ли?

– Перед войной жизнь-то небогата была. Охота да рыбалка выручали. То рыбы принесут, то дичины. Обменивали на хлеб, на мёд, на сало. С ружьями тогда проще было: ни тебе разрешений, ни билета, ни путёвок. А вот боеприпасы стоили дорого, да и где их взять в деревне-то? В городе бывали редко. Патроны в белый свет, как ты, не палили.

Воспоминания захватили его, и рассказ течёт тихонько дальше:

– Ну, а ребятёшки, они всегда одинаковы. И пострелять охота, и на лодке опять же. Собрались мы с Федькой, дядей Федей-то Мартемьяновичем, поохотничать. Давай просить у тяти, у твоёва-то дедушка Фёдора, ружьё да патроны. Долго просили. Да куда нас девашь, дал ружьё и патроны... Два. Чтобы по утке на патрон.

Мы радёхоньки, бегом заулком на реку к лодке. Тогда лодку-то не приковывали, как собаку на цепь, не было жуликов. Поплыли в луга. Долгонько мы тогда в лугах-то болтались. Чо жо, с двумя-то патронами. Боимся промазать, потом ить отчёт держать. Но всё же подкараулили красноголовика, убуткали. В кустах сидим, ждём. Никто на нас больше не летит, не плывёт. Тоскливо.

Поплыли потихоньку, думаем: может, опять на кого нарвёмся. Где в лодке, где бродком, где таском – далёко убрались. Издали не стрелям, патрон берегём, а близко подобраться не получатся.

Завернулись домой. Глядим, на кочке в прошлогоднешних камышах утка. Сидит, головку на зобу в пёрышках спрятала, не шевелится. Ну я и прицелился: «Уж по екой да не попаду». Убил. Подплывам, а вокруг скорлупа яичная, всё желтками измазано. По гнезду стрельнул. Договорились: «Не скажем». Домой плывём довольнёхоньки. На каждого по утке, и патроны все в дело пустили!

Тятя дома сразу спрашивает: «Чо, охотнички, убили кого?» А мы: «Вот две». Взял сперва красноголовика: «За эту – молодцы: добра утка. А за эту... – добрался он до моей. – Больше ничо не дам, не просите. Она ить на гнезде сидела. Вон сколь исхудала, а вы убили. Таку-то и дурак убьёт. Не шевелилась, поди, думала деток убересть. Яички-то хоть собрали? Некого не собрали... Охотнички!»

Долго он нас ругал тогда, на всю жизнь мне хватило. Но, правда, и ружьё и патроны стал давать потом, куда нас девашь, мы-то уж такого не учиняли...

Отец прервал рассказ. Из-за черёмухового куста показался табунок косатых. Сделав круг, начали по спирали снижаться. Уже на подлёте утки повернули в сторону Убьённого лога – то ли нас, глубже присевших в траве, разглядели, напуганные стрельбой, то ли ещё кого.

– Что не стрелял?

– Высоко же!

– А прошлый раз из двух стволов лупил.

– Да патронов жалко.

– Жалко?! Во как! А то на две утки больше десятка выхлопал. Охотничек!..

Дело было осенью. Утки на гнёздах не сидели. А патронов действительно стало жаль. Интересно, сколько бы я с двумя-то штуками настрелял?

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Экспедицию эту задумали ещё в мае, и как только вышли на каникулы, тут же давай готовиться. Первым долгом выпросили у отцов как бы невзначай: «Что там за Рёлкой? Есть ли течение на Истоке да Быстрой Копани? Не размыло ли ячменскую плотину и мост?» Потом я стал упрашивать отца насчёт лодки. Свою самодельную деревянную с алюминиевой обшивкой он, опасаясь, что потонем, конечно, не дал, но разрешил взять перелатанную резиновую. Затем главный бой: отпроситься у матерей. Друзьям проще: скажут, что ко мне пошли, а мне-то правду не скрывать. На удивление, мама особо не препятствовала – наверно, отец, несмотря на мою просьбу не говорить, всё же как-то её подготовил.

В субботу с вечера накачали в ограде лодку и так оставили проверить, не шипит ли новой дыркой. При первых звёздах разбрелись по домам. А в воскресенье с утра чуть свет начали собираться. Лодка за ночь приспустила, тут же подкачали. Отец приготовил весло и сиденье. Мама напекла оладий да пирожков, упаковала в пакетики баночки с молоком и творогом, крутые яйца и соль. Растолкали всё это по сумкам да рюкзакам. Как ободняло, скидав в лодку припасы, весло,

насос-лягушку и клееную-переклееную камеру от «Уазика», отправились к реке. Отец пошёл с нами, придержал у берега наш «фрегат» и, подождав, когда мы усядемся, оттолкнул.

Сияющая в лучах утреннего солнышка мелкой рябью Бараниха, закружила и понесла нас. Лёгкая резиновая лодка охотно слушалась течения и ветра, но веслу поддавалась с трудом. Пришлось помучаться, прежде чем её норы удалось укротить.

Вот и плотина, перегородившая протоку Узенькое. Заранее направляю лодку к левому берегу и кое-как пристаю к песчаному осыпающемуся склону. Река ударяет в эту преграду и, стремясь смыть с неё всё, что только поддалось, несёт воду по прокопанному руслу вдоль деревни, неестественно прямому и узкому, кипя и бурля от негодования.

Взбираемся на плотину, волоча лодку, весло и пожитки.

– Смотрите! – кричит Сашка, первым перебежавший на другую сторону с мешками в руках. – Тут вода ниже.

И точно – со стороны Истока вода в заиленной дремлющей протоке почти на метр ниже бурной Баранихи.

– Как же так? Это ить та же Исеть, а уровень разный? – сыплются вопросы.

– По физике помните закон сообщающихся сосудов? В них уровень всегда один, – делится познаниями Сашка.

– А так и есть. Там, далеко, за дойкой, где Бараниха в Исток впадает, уровень как раз такой, а то бы Исток в Бараниху впадал, – солидно объясняет Вовка.

Быстро спустились, плюхнули «судно» на воду и с торчащей из тела плотины берёзовой коряги забрались в него, усаживаясь по местам. Оттолкнулись и потихоньку поплыли.

– А почему Узенькое? Вон ширина какая! – спрашивает Олег.

– Не знаю. Может, раньше и правда узенькое было, – отвечаю я, загребая веслом.

– Метров двадцать пять, – уверенно заявил Вовка.

Почему-то сразу верим. Вовка зря болтать не будет.

В Узеньком плыть легко, ни течения, ни ветра. Добрались до заросшего рогозом да стрелолистом устья небольшой протоки Перекосной. Скоро открылся и Исток. Нам налево, то есть на запад, тут Исток зовётся Быстрой Копанью.

Поднимающееся солнце уже по настоящему жарит не загоревшие ещё по началу лета спины. Повернули за мыс, вид широкой воды заморозил. Тихая благодать властвовала над рекой. Гуси бело-жёлтым табунком спустились с Рёлки и поплыли, пересекая путь. Со стороны лугов под нависшими кустами бултыхнула рыбина. Чайки молчком пронеслись над водою на высоте таловых зарослей, высматривая добычу.

Ветерок, что подгонял и без того быстрый бег Баранихи, теперь оказался встречным, и округлый нос лодки так и запрыгал на волне, громко хлопая по ней плоским резиновым днищем. На весле пришлось сидеть по очереди, лавируя от берега к берегу, ища заветерья. Уморившись от борьбы, истекая потом с непривычки, поднимая брызги зарулили-таки в заросшую протоку, огибавшую Круглый Остров. Ветра тут совсем нет, безмолвие. Лодка легко скользит, разгоняя ряску тугими бортами по спокойной воде. А за бортом бегают стайками, шарахаясь от каждой тени, рыба мелюзга. Иной раз рыбёшки посыплются дождиком по воде, блестя серебром чешуек, ошалело выскакивая в воздух от атакующих окуньков. Над нашими головами где-то высоко-высоко шумит на ветру листва. Мы плывём как в тоннеле, зажатые глухим зелёным сумраком, вглядываясь в загадочные тальниковые дебри.

– И птиц-то нету, – тихонько заметил Сашка.

– Как нету, вон они, – показывает Олег на перепархивающих меж кустов птичек.

– Птенцов кормят, у них инстинкт такой, вот и не поют, некогда, а то бы давно ни одной не осталось, – опять объясняет Вовка. – Они, птенцы-то, как цыпушки, всё время жрать хотят, сидят вот так, рот раскроют и орут, – и Вовка показал, хлопая ладонями, как птенцы открывают рот...

Дальше опять бой с ветром. Уставшие, но весёлые пристаём к усеянному коровьими следами и лепёшками пляжу. Лодка грузно тормозит дном о рыхлый песок. Упираясь веслом, загоняем её

поближе к берегу. Затем Олег, спрыгнув на сухое, втащил лодку на берег. Взойдя на зеленеющую твердь Рёлки, огляделись.

– Вон коровы-то, у Коврижки, – заметил я такое родное, домашнее, наше стадо.

– А чо, мы всё ещё у Ковриги? Уже вроде столько гребём, – как-то разочаровано то ли спросил, то ли сообщил Сашка.

Деревня и верно отсюда кажется совсем рядом, только зелёное с жёлтыми одуванчиками да белыми кашками пастбище перебежать. Ни Перкосной, ни Баранихи не видно, как будто нету их.

– Так мы вон по какому кругу, – обвёл рукой Олег наш путь от огородов через Бараниху и Узенькое.

– Айдаге купнёмся – позвал от лодки Вовка, на мир смотреть он с нами не пошёл.

Бегом сиганули в воду... «А-а-а, ой, о-о-о...» – разогнали чаек наши вопли. Всё дно оказалось усеяно огромными двустворчатыми беззубками. Стопились на дне в кучи, плотно прижавшись друг к дружке раковинами.

– У них чо там, праздник какой что ли? – возмущается Олег, припадая то на правую, то на левую ногу.

– А фиг их знает, – сердито отвечает Вовка, потихоньку пробираясь на глубину.

Как только стало возможно плыть, все заработали руками и ногами кто как умел, уносясь к середине реки. Течения в Копани нет, и вода, прогретшись с поверхности, не спешила перемешаться. Чтобы плыть в тепле, нужно распластаться у самого уреза. А нырнёшь – как в ледник, будто из бани в предбанник. Так мы и плескались, пока кто-то не вспомнил про пакетики с пирожками. Пльвём к берегу, пока коленки не упрутся в острые гребни беззубок. Потихоньку, хромая и приплясывая, выползаем на берег, на тёплый мягкий речной песок.

После обеда отчаливаем. Со стороны Рёлки то нависает зыбучий грязный обрыв со свисающими корнями, то открывается пологий берег с иистой топью, поросшей камышом и всякой водной травой, то тянется пляж со следами коровьего пребывания. Выходить на берег совсем не хочется. Со стороны лугов – стена сочно-свежего тальника слегка перевитого паслёном.

Кое-где на краю колхозных покосов уже высоченная крапива. Сменяя друг друга, эти виды настолько утомили глаза, что вынырнувшая из-за поворота высокая безобразная плотина ошеломила.

– Э, парни, а тут опять выше, – объявил Сашка с плотины, глядя то на реку, то на Вовку.

– Да так и должно быть, – заверил всех Вовка, помогая сталкивать нос лодки в воду. – Река-то отсюда к Ковриге течёт.

Вода здесь почти на два метра выше, чем за плотиной, и сразу подумалось: «А вдруг да не сдюжит плотина, уж больно велик напор».

Быстро, опасаясь, что плотину прорвёт прямо сейчас, сталкиваем лодку в бушующие на непривычно широкой воде волны. Не сговариваясь, все занимают свои места: Сашка на камере, Вовка на мешке лицом вперёд, Олег, само собой, впереди. А так любимая всеми доска-сиденье вместе с обязательным в этом случае веслом осталась свободна.

– А чо, грести-то опять мне что ли? – возмущаюсь я, держа за баллон лодку, чтобы вся эта компания уместилась. – Я и так вас только что к плотине подвозил, дали бы хоть отдохнуть.

Гребли эти мореходы, правда, худенько, пришлось выручать. Общими силами оттолкнулись от берега. Лодка опять хлопает носом о встречные волны. Движемся, несмотря на все мои усилия, медленно. Пока не гляжу на берег, кажется отплыли далеко, а оглянусь – и незаметно почти. В плотину и борт ударяют пенные барашки. Слетающая с них и с весла водяная пыль, попадая на раскалённые послеполуденным солнцем тела, кажется ледяной.

– А если сейчас размоет? Смотрите, как волны бьют, – Сашкин взгляд так и бежит вдоль линии прибоя.

– А вон там, смотрите, уже какую яму выбило! – показывает куда-то назад Вовка.

Сознание живо рисует растущий хищный проран в теле плотины, увлекающий всё в пенный водоворот. Стиснув зубы, гребу прочь.

– И чо мы берегом не обошли, – перенося усилие с лопасти на лопасть, выдавил я.

Плотина, конечно, устояла, а наш «корабль» благополучно укрылся от ветра за мысом, к которому и причалили. Дальше до Бурковской протоки шли берегом, тянули лодку против ветра, то и дело отталкивая её от берега.

В Бурковской за ветром спокойно. После пережитых страхов говорим тихо – то ли сонную Бурковскую напугать боимся, то ли себя разбудить...

Вот и Бараниха. Течение тут же набрасывает лодку на песчаную отмель у левого берега. Толкаясь веслом и ногами, загоняем её на глубину, и тут уже ветер, став вдруг попутным, сообщая с рекой помчал нас не хуже мотора.

Справа всё рос зеленеющий травой и молоденькой картошкой бугор, увенчанный домами да сараями – то было Ячменево. Скоро и ветер стих, стена долинного берега скрыла нас.

Опять заскучали и ради шутки бросили привязанную на верёвку камеру за борт, и она, вертясь, поплыла, то обгоняя, то, попав в водоворотик, останавливаясь.

– Это шлюпка, я видел в книжке, раньше они за кораблём плавали, чтобы место не занимать, – предложил Олег.

– А я в ней сейчас поплыву, – заявил Сашка, подтягивая камеру за верёвку.

Точно уселся, балансируя ногами и загребая руками. Так мы и плыли, посмеиваясь над его забавными пируэтами, в причудливо петляющих струях потока. Ячменский мост неумолимо набегал, подточенные с весны насыпи ещё желтеют свежееобвалившейся глиной с прослоями першинской щебёнки. Двое пацанов у моста удят, длинные ивовые удилища лежат на торчащих из воды шаражках. Стремительно несёмся под мостом, вдруг между досками настила градом повалили в воду комочки натасканной копытами стад земли.

– Подтягивай камеру! – кричит Вовка.

Олег тянет ничего не понимающего Сашку: так вроде плыл хорошо.

– Гребь! – командует Вовка уже мне.

– А чо орёте-то? – недоумеваю я.

Тут с моста рядом бултыхается в воду здоровенный парень, лет шестнадцати, за ним второй помладше, и саженками к нам. Гребу, что есть мочи: кто их знает, чего надо? Сашка в камере тоже во всю то ли помогает, то ли мешает, загребая руками на крутящемся бублике. Парни, отфыркиваясь, плывут следом, течение и весло, однако, оказались проворнее, и вскоре они отстали.

– А чо мы уплыли-то? – вдруг спросил Вовка.

– Так это же пираты, – спас положение Олег.

«Пираты», поняв, что нас уже не догнать, всё кричали стоя у берега по пояс в воде: «Мы же только покататься хотели!» А поток всё нес. Скоро и мост, рыболовы с «пиратами» стали совсем маленькими, а поворот реки и вовсе скрыл их из виду. Теперь в панораме главенствовала Коврига, ещё далёкая широко распласталась на высоком яру, приветливо блестя крышами и раскрытыми окнами.

– В-в-вон К-к-коврига, – слышался слабый голосок с плывущей позади камеры. Мы уже стали привыкать, что Сашки в лодке нет, а после «пиратов» интерес к его положению остыл. Да и наши разговоры он уже несколько минут не поддерживал. Вид у него был неважнецкий: весь бледно-синеватый, дрожащий гусиной кожей и нижней челюстью. Состояние его казалось невероятным, мы в лодке были красными от загара, и если бы не ветер, уж наверняка бы изнывали от жары. Втащили его в лодку. А течение всё несло наше потрёпанное судно к родным огородам.

Подправить к знакомому берегу было уже нетрудно.

Какими же родными показались нам прибрежная рёлочка и нижний огород, какой необыкновенно зелёной покрывшая берег лапчатка. Так мы и растянулись на траве, распрямляя столь долго скрюченные спины и ноги. Домой притащились к четырём часам вечера голодные.

За общим столом сквозь чавканье и звон ложек наперебой обсуждали пережитые приключения и будущие плавания.

Однако жизнь как всегда распорядилась по-другому. Непогода, а потом сенокос не дали в то лето осуществить планы. А через год мечты наши уж не летали столь высоко. Пуститься в

плавание вот так, на резиновой лодке, уже казалось как-то смешно и бессмысленно. Наверное, детство незаметно улетело...

СТАРИЦА

Лет пятнадцать назад, когда в луга запросто переезжали на любом транспорте по мостам и плотинам, лучшим местом для рыбалки и охоты считали мы с отцом эту Старицу. Её так и зовут Старица (с ударением на «и»). Исеть-матушка не так давно покинула это русло, и оно ещё только начало копить ил и зарастать всякой водяной травой. Чистой воды предостаточно, а глубина кое-где больше двух метров.

Вода по осени всегда прозрачна. Так что в тихую погоду, если неподвижно сидеть в лодке, можно заметить стайки красноглазых плотвичек и, поглубже, карасиков на фоне бурой утонувшей листвы, прикрывшей чёрное илистое дно, и необыкновенно-зелёных зарослей элодеи или рдестов. Рядом в сотне шагов извилистое, затянутое телорезом озеро Графье – тоже, в общем-то, старица, только древнее...

Едем с сетями и ружьём. Таловых дров кругом полно. Вдоль воды в кустарниковых полосах – и шиповник, и боярка, и смородина на заварку. Травы давно скошены, отава подрастает ровным пушистым ковром.

Станом расположились по традиции под древним кустом краснотала в низине: «чтобы уток не шибко пугать». Разобрали режёвые сети и растащили их: одни в Графье, другие – в Старицу. Браконьерством такой осенний лов отец не считал: «Рыба, котору не изловил, зимой от замора погибнет, вот и успевай – лови». А поймать осенью можно и жирного чебака, и щуку, и окуня, зашедших с весенней полрой водой и, конечно, вездесущих карася и линя. Улов не заставил себя ждать – уже растрясая поставленные сети, выбрали больше десятка темнобоких карасей. А с красно-огненным закатом скрылись под кустом на берегу поджидать уток...

Косатые налетели как-то вдруг, будто падая на голову. Со свистом разрезая сильными крыльями воздух, проносятся в каких-нибудь пяти метрах от нас. Я, стрелявший до того только по банкам, вскидываю ружьё и, не успев приложить его к плечу, жму на спусковой крючок. Отскочившее от взрыва пороха ружьё обдирает пальцы правой руки и ударяет в плечо с такой силой, что я чуть не падаю в вязкую прибрежную грязь. Но что это?! На воде неподвижно лежит моя первая утка! Отец говорит что-то, довольно улыбаясь, правда, разобрать не могу, в ушах звенит.

А потом, как стемнело, костёр с ухой, чаем и печёнками, да ночлег в шалаше-«балагане», прилаженном к пологому боку колхозного зарода...

Ездили мы на Старицу каждую осень по несколько раз, и лучшего места просто не было. Но плотины стало всё труднее восстанавливать после буйства весенних вод, дороги в лугах начали затягиваться молодым тальником и разной дурбенью вроде лопуха и крапивы, плотинки-гати размыло. Не стало пути в Старицу.

Этой осенью, обливаясь потом, еле добрался туда по спутанной некошеной траве, по осоту в мой рост, по неизвестно откуда взявшемуся плющу, окутавшему все кусты подобно лианам. И не узнал. К воде прошёл с невероятным трудом. Нет уж того уюта, одичала Старица. А утку, ежели упадёт на берег, без собаки и искать не стоит – трава спрячет, да и стогов-зародов – охотничьего приюта – уж который год нету. Так и живёт Старица и не тоскует, похоже, по нам непутёвым. А мы как будто у себя украли. Обеднели, а винить некого.

ВОДОПОЛИЦА

Весной, в водополицу, отца дома удержать не могли ни мамины уговоры, ни срочная работа. Весь вечер до потёмок, и утром с пяти до работы проводил он в залитых водою лугах. Иногда просто так, иногда с ружьём и сетью. В выходные бывал там и я.

Отец обычно ещё накануне договаривался с соседом дядей Фаддеем, и тот разрешал мне воспользоваться его лодкой...

Я гребу на большой Фаддеевой лодке, а отец на нашей валкой, но поворотливой. Ружьё, чтобы походить на охотника, я взял.

Направились к Песьяной Яме. Плыть пришлось долго. Сперва по Баранихе против стрежи в сторону Ячменево. Мышцы, одрябшие за зиму, вдруг почувствовали через весло упругую воду и взыграли первобытным восторгом. У штевня лодки зажурчал пенистый бурун, а за кормой справа и слева на спокойной речной глади вздыбились, хотя и невысокие, волны. Казалось, каждый взмах весла передаёт рукам и плечам всю мощь преодолеваемого потока.

Борьба со стихией захватила и поглотила меня. Бурун у штевня кипел, лодка, казалось, летела, отец отставал. Но вот мускулы начали сдавать, и вскоре отцовское весло стало слышнее. Грёб он явно спокойнее и, похоже, не устал вовсе. Вода не любит спешки. В гребле, как в плаванье, если плывёшь красиво – значит легко, а если легко – значит и быстро...

Прошли ориентир – столбы от бывшего Михайлова моста, как раз середина пути по Баранихе. Нет уж давно ни моста, ни деда Михаила, а имя всё живёт. После моста протока Перекосная, через Рёлку – затопленное пастбище к старице Лопате. Тут только знай подруливай, течение само вынесет куда надо. С Лопаты по ручью, а потом волоком на Песьяну Яму, оттуда в луга.

Луга, разделенные тальниковыми непролазями и старицами, почти полностью потонули. Вот тут мы и намеревались посидеть с чучелами, да испытать подсадную. Отец ещё мечтал свой покос посмотреть.

– Вон там Тиха Исеть – главное русло, вон Хомутина – старица, там Графье, а то Сумки, – показывает отец то на одну, то на другую тальниковую линию.

Из лодок пришлось выходить. Высокая прошлогодняя трава не давала грести. Побрели по колену в воде, потом опять сели в лодки. Правим мимо островка – выступающей плотины. Что это? Какое-то существо забилося за кочку в травяном прошлогоднем кустике. Я даже вскинул

ружьё: может, утка-подранок?! Подплываем. Серенький мокрый комочек с большими глазами. Зайчишка вымок и озяб, бедняга!

Решили спасти потерпевшего. Подгребаем с двух сторон, чтоб помочь друг другу, если что. А заяц сидит ни жив ни мёртв, косит глазами то на меня, то на отца. Мы всё ближе и ближе, вот уже отец руку протянул, да и я почти рядом. Тут наш бедолага рывком бросился с кочки в воду и по собачьи неожиданно быстро плывёт. Куда? Он ещё не определил, не до того было, поэтому и пустился к первому, что возвышалось над водой. А то пук нескошенного прошлогоднего костра, уцепиться за него невозможно. И зайчишка поплыл дальше, отчаянно работая задними лапами.

Добрался до затопленных зарослей, взгромоздился на талину и замер.

– Ну что за дурак, не обидим мы тебя! – говорит отец, подгребая ближе. Косой, конечно, не внял нашим обещаниям – бросился в воду и вначале поплыл даже к отцовской лодке, вроде бы что-то понял, но нет! Нас он боялся больше воды, снова свернул к своей кочке.

Видим: совсем стал сдавать наш «приятель», нет мочи за кочку спрятаться. Вышагиваем из лодок – и к нему. Нет, брат! Спокойно замёрзнуть мы тебе не дадим! Бродком, поднимая фонтаны брызг, пошли на него с двух сторон. Направляем зайца к островку-плотине. Мало-помалу пригнали-таки обезумевшего от ужаса и холода зайку к суше. Разглядел все-таки он её, выбрался на самый верх к кустам. Присел на задние лапы и, кажется, даже улыбается.

Ну, всё, спасли. Живи, косой, сохни, да зимой не попадайся!

МУХТАР

Мухтар был собакой породистой, как говорил отец – кокер-спаниель. Когда он у нас появился, я не помнил; наверное, мы были с ним ровесники. Любили его все, и он отвечал взаимностью: исправно сторожил, сопровождал в лесу, на покосе, даже в огороде. Один у него оказался недостаток, очень огорчивший отца, – охотник из него не получился...

Отец купил уже подросшего спаниеля в Шадринске. В те годы как раз пошла мода на охотничьих собак, у многих уже были лайки и гончаки, стали появляться и спаниели-утятники.

Рос Мухтар весёлым и умным. Быстро научился приносить рукавицу, плавать за палками. Пришла пора испытать собаку на охоте.

Однажды вечером усадил отец щенка в коляску мотоцикла и увёз. Засели в скраде. Мухтар послушно прилёг, тоже ждёт, поглядывает на отца. Вот и утиный табунок. И охотник и собака замерли, не сводя глаз с уток. Выстрел! Косатая, как подкошенная, камнем падает на зазеленевший отавой осенний луг. Мухтар рванулся из скрада... Ликует душа охотника!

Но что это? «Где же собака? Утка-то вроде вон там упала», – думает отец. Стал ждать. Нет Мухтара. Пришлось самому разыскивать добычу. Нашёл. Хороший был выстрел, наповал сразил...

Домой отец приехал затемно один, сокрушаясь о потерянной собаке и неудачной охоте: за утками плохо следил, всё больше Мухтара звал... И что же видит: собака вот она – сидит у ворот, виновато поглядывая карими глазами, виляя обрубком хвоста.

– Ну, первый блин комом, завтра ещё попробуем! – смеясь, пообещал отец.

Попробовали. Нет, не несёт утку собака. В чём же дело? Надо испытать. Пёс охотно лезет в коляску мотоцикла и охотничать, кажется, очень желает, но как только выстрел – всё, хвост промеж ног – и нет Мухтара!

Что только ни советовали отцу «бывалые» собаководы. Одни – стрелять, привязав к ноге или кусту. Деваться-то псу некуда, дёрнется и сидит, а как только отвяжут – тут же взовьётся, лишь трава зашумит. И что интересно: бежит всегда по прямой к деревне, хоть и не видно её за кустами. Две реки отделяют от Ковриги – не преграда.

Некоторые, более решительные охотники, даже пристрелить предлагали: «Чего без пользы кормить!» Отец в сердцах, бывало, и грозился, да недолог был его гнев. Тут же нёс своему любимцу чего-нибудь вкусненькое. Трепал бедолагу за ухом, говорил что-то тихонько. Нет, убить Мухтара он не смог бы ни за что! Но в чём же дело?

А выяснилось всё однажды на охоте. Подбирается отец с подхода к озеринке, уток высматривает, а навстречу тоже охотники. Отец с сыном. Не наши, городские. Ну, слово за слово, разговор завязался. Поговорить отец был всегда не прочь, и слушать умел, и самого заслушаешься. И о том, что дичь не та, поговорили, и что охотники не те, экологию обсудили, «мирный атом» вспомнили. Добрались до собак. Оказалось, знали они того «продавца». Испортил он по неопытности щенка. С молодых когтей решил к охоте приучать да и перепугал несмышлёного: то ли возле уха стрелял, то ли холостыми в него. А как понял промашку, с рук скорее сбыл – и то деньги! По виду-то не поймёшь, породистая собака. Но грянет близкий выстрел – просыпается в собачьем мозгу тот щенячий ужас, и бежит пёс домой. Там не стреляют... С той поры отец и не ругал Мухтара.

Зато рыбалку Мухтар любил. Плавал за лодкой и просто так купался. В воду лез сам, с довольной собачьей ухмылкой. Выходил из воды и шёл к костру, начинал отряхиваться, потом подставлял поочередно свои бока к огню – сушился. Очень любил знаменитых убённовских карасей: ел их сырыми с хрустом, всякую другую рыбу даже не нюхал, только варёную. Прожил Мухтар вот так почти десять лет: на рыбалке – хоть на неделю, но на охоте – до первого выстрела... Нередко отец по осени пускал его в шалаш, вдвоём всё ж теплее.

Однажды в феврале Мухтар исчез. Звали его, искали. Куда делся? Нашли только через неделю: зарылся в солому и там тихо издох. Уж как жалко его было!..

После этого отец несколько лет не заводил собак. Потом появился Дружок, но и его он нет-нет да назовёт по старой памяти Мухтаром.

ЛЕШИЙ

Утро. Солнце уже поджаривает, где-то под сводом мира выводит свою песнь жаворонок. Мы, дружная ватага, катим на великах «кто первой»...

Так начинался почти каждый день. Направлялись мы сначала само собой в лес, а уж оттуда, покусанные комарами и пауками, распаренные, мчались напрямик на реку. И только потом степенно и лениво ехали с дарами природы по домам.

Ближайший к деревне лес, с незапамятных времён названный Коврицкой Дубровкой, знали в ту пору как родные деревенские улицы, а может и лучше. Ягодных мест было много, старались объехать их раньше вездесущих бабушек, не всегда, правда, успешно. Вставали они вместе с солнцем и часто попадались нам навстречу уже тяжело нагруженные лесными дарами.

А мы на ягодниках набивали сперва рты, после рты и бидоны, затем, наевшись, нехотя уже одни бидоны. Когда ягоды приедались совсем или нас до слёз донимали кровососы, выручала очень увлекательная, собственного изобретения игра. Прыгали на велосипеды и с какой только можно скоростью гнали по лесным дорогам и дорожкам, поочередно сворачивая вправо-влево. Заезжали иногда в жуткую глушь, в бурелом или на зарастающую вырубку. Но правил не меняли никогда и как-то само собой постепенно оказывались в знакомых местах или у края леса.

Сами себя мы, десятилетние, считали бывалыми полесовиками, обсуждали с видом знатоков лесную жизнь. Читали все много, разговоры наши состояли из привычных слуху деревенских «чо», «ково» да «ишшо», соединяющих всякие сложные слова из учебников и журналов. В лесу, казалось, и загадок уже нет никаких – всё знаем. Но однажды лес поставил нас, сопливых, на своё место...

Пробирались мы тогда краем пшеничного поля, другого пути в этой части Дубровы для велосипедистов не было, а спешивались только в крайних случаях. Лес мысом вдавался в пашню, пересечь его было никак нельзя: валежник, заросли боярки, шиповника и вишняга по кромке. Приходилось крутить петли, по пшенице ехать считалось преступлением.

Устали. Болтовня, шутки, смех давно иссякли, силы, похоже, тоже. Огибаем очередной дремучий мыс. И вдруг... Мороз пронзает до самых пяток, во рту моментально пересыхает, а кожа на голове как-то неприятно напрягается... Ужасный, леденящий вопль: и нечеловеческий, и

человеческий сразу. Резкий и звонкий в начале, затухающий и воющий в конце. И тишина июньского солнцезара...

Не сговариваясь, припустили мы, не разбирая дороги, к деревне, напрямик по незрелой пшенице, по рыхлому чернозёму. И оглянуться страшно.

Выскочили в Озерках на покос, только тут огляделись и отдышались. Позади, конечно, никого. Друг на друга не смотрим – стыдно. Вскоре начали храбриться, оправдывая личное бегство: «Все погнажи, вот и я...» Но вернуться и посмотреть так и не решились.

Объяснить, чей крик ни сами, ни взрослые не смогли. В лес потом недели две не ездили...

И сейчас не знаю, какое живое существо могло так выть в осиннике. Середина лета. Лисе поздновато, а лосю или косуле вроде бы рано, да и крик не тот. Не иначе леший наслушался наших баек про его хозяйство и в сердцах ругнул нас. Чтоб впредь знали, кто в лесу хозяин.

АГАФОН

Дед Агафон Никитич, ветеран двух войн, с последней вернулся без ноги. А потому ходил на деревяшке. Однако при этом он был заправским рыбаком и охотником. Чего ему это стоило, наверное, можно себе представить, но охота пуще неволи.

Только зимой он отдыхал, на деревяшку лыжу не приладишь. А вот с половодья до сугробов не было ему равных в уловах, пере и пухе. Да и зимой нет-нет да соберётся с мужиками сети норить или морды под лёд ставить. Вся снасть, или как он говорил – «сбруя», у Агафона была своя.

Деревянная лодка легка и удобна – сам делал. Один вытаскивал её на берег, и всегда чисто отмытую от чешуи, грязи, листвы и прочего рыбацкого мусора. Приковывал на Истоке или у деревни под бугром. Один тащил домой и рыбу и сети, иногда сразу, а чаще с двух-трёх ходок. Нередко звал в помощники моего отца Никиту Фёдоровича, тогда ещё прозывавшегося Митком.

Сам Агафон шутил, что ему даже лучше, чем двуногому: «Одна нога-то мёрзнет!» Не боялся дед воды, знал цену себе и своей лодке, один заплывал в водополицу в самые глухие старицы и протоки. И без рыбы не бывал.

Вот и в тот апрельский день собрался он ближе к вечеру проверить сети. Прихворнул и три дня уже не был. Взял ружьё, патроны, мешок для добычи, хлеба в карман и поковылял к реке.

По прямой – вода залила все луга и рёлки – споро догрёб до места. Выбрал рыбу. Всё без спешки, привычно, отлажено, красиво. Расчёт точный, нужно ещё селезней покараулить.

Да вот ветерок что-то посвежел, и тучи отяжелели. «Нет, с утками нынче не бывать...» И направился наш дед к дому. Погода – штука ненадёжная, а уж весной да осенью и вовсе: то греет, то морозит.

«Вечёр эвон как солнышко выглянуло, а нынче...» – сокрушается про себя Агафон. Между тем ветер крепчал. Вот уж вал в борт хлещет, кидая брызги в лодку. «Эх, лодочка хороша – вынесет!» Ему ли, старейшему рыбаку в округе, бояться ветра.

Но что это? Как будто белая пелена заволокла недалёкую деревню Ячменеву. «Неуж-то слякиша?» Так и есть, новый шквал ударил в лицо мокрой холодной кашей. Уже и родную Ковригу не видать. В лодке не уснувшая ещё рыба плавает своим ходом.

До Ковриги ни ему, ни лодке не додюжить – это ясно. Нужна земля. Суша нужна. «Э, так ить Коврижка куда суше-то! Вон она по праву руку!» Развернуться против ветра и течения, однако, не просто, ногой в борт не упрёшься. А за спиной матери-Коврижки и вал пониже, и ветер как будто стихает. Вот и сама она!

Матерясь на свою никчемную деревяшку, на себя и на погоду, выволок лодку где посуше, опрокинул, подпёр один борт доской-сидением. Получился сносный навес от ветра и снега. Всё, можно расслабиться. Да где там! Мокрая телогрейка не греет, а скорее наоборот. От непосильной борьбы тело отказывается служить, нога болит – нет мочи, натрудилась, хоть и деревянная. Да и лежанина худая – стылая земля, покрывшаяся подобием снега. Надо подниматься.

Выполз рыбак из-под лодки и давай голосить, что есть сил. Вся надежда, что не один он нынче на реку пошёл. А рыбаки уже всполошились: «Агафоновой лодки нет!»

Надо искать деда, да кто в такое-то поплывет и куда? Агафон – рыбак скрытный, где у него сети и сколько их – пойди узнай.

Отковали барку и втроем пустились в путь. Барка – большая широкая лодка, летом перевозят на ней рабочих за реку на покосы. Грести на ней тяжело, парусность большая, и на стражи её сильно сносит. Одно хорошо: высокий борт, вал почти и не заплёскивается.

В какую сторону уплывал Агафон – все знали, туда и правили. Вдруг ветер донёс крик, разобрать нельзя, но точно – шумит кто-то. Вон и Агафон на Коврижке, как Робинзон на острове...

Долго не появлялся дед у своей лодки после этого приключения. Мужики уже поговаривали: «Всё, попустился!» Да видно, плохо знали Агафона. Оправился старик, правда, не скоро, лишь в июне. Как будто и не было ничего, прикостылял он к лодке. Отмыл её и, как обычно, уплыл в одному ему известные ловные места на дальних протоках и старицах.

ГЛИНА

Дед Киприян нацепил очки, отогнул край скатерти и стал перебирать газетные вырезки. Раскладывал, которые на растопку – клал на старый обшарпанный табурет, а что сгодится – на вытертое сидение тяжёлого древнего стула.

– Тут вон, смотри, Горбачёв опять с этим, с американцем-то, на что жо им лежать-то... – проговорил он, кидая вырезки на табуретку.

– А тут, лико-чо, – восхитился чем-то дед, отложив заметку на стул.

– Так-так-этак... – пропел Киприян свою знаменитую песенку, развернул очередную газету.

Поправил очки и надолго замолчал.

– Айда, баушка, глину копать, – окончив чтение, обратился он к стряпавшей рядом жене.

– Ты чо, дымник ладить собрался ли чо ли?

– Да подь ты со своим дымником, сделаю. Вон чо пишут. И ноги, и спину лечит, а ишо растолкут да пьют с водой, для желудка полезно.

– Ну, ишо давай пей, – смеётся Авдотья. – Вона весной сколь чиста бежит вода-то, чо-то не пьёшь, а тут каку-то глину.

– До чо жо ты у меня баска, баушка! – любится своей Авдотьей Киприян, замечая в постаревшем лице любимые черты.

– Фу ты, старой! – смутилась Авдотья.

Вырезку про глину Киприян прибрал, да не под скатерть, а приладил к зеркалу на стенку, на видное место. Вечером, когда включили свет, опять увидел и вспомнил.

– Ну чо, Авдотьюшка, завтра чо ли покопам глины-то. Тамо в Долгом-то логу таку же раньше капывали. На горшки да на кринки крышки делали, мать с тётонькой Федорой яички курицам подкладывать ладили, слепят да в пече прокалят. Братаник-то ишо зверушок стряпал, да туда жо в печь.

Наутро, наскоро управившись с курами, взяв в дорогу хлеба, побрели старики с тележкой за деревню.

– Лико-чо, на пару куда-то отправились, – прокричала из переулка недавняя пенсионерка Мария.

– Да вот старик-то про глину ково-то прочитал, лечебна, так и пошли покопать, – отозвалась Авдотья.

– Ну дай Бог! – как бы прощаясь, крикнула Мария и, не отвыкнув ещё от положенной суетной деловитости занятого человека, стремительным бабьим шагом направилась вдоль по улице.

Старики, бренча колёсами тележки, потихоньку ковыляли дальше.

– Я знать-то с позапрошлого лета на степе-то не бывала, – любовно оглядев открывшийся простор, сказала Авдотья.

– Ну так то и бежишь, – с обидой выговорил ей дед, с трудом поспевая за женой.

– Эх, и побегано туту, – сбавляя шаг, вспоминала Авдотья. – По коровушек-то похожено, помнишь, поди, Майку-то, везде-то она вперёд окаянна. А уж уберётся куда, так дальше всех.

– Да уж поискали, – согласился Киприян.

Молча побрели дальше...

– Вон игрища-то были, – вдруг указал Киприян на дальний угор. – Помнишь, поди, весной-то шуму-гаму. Девки-те, робята, гармонь. Весело было. А ноне вон никого нету. Молодёжь штось в клуб-то не ходит.

– Поплясала бы сщас, да вся уж отплясалась.

– Кабы не пляски, дак не выбрал бы я тебя тогда.

– Чо, неуж не выбрал бы?

– Нук как, еть зазноба у меня была уж.

– Это Харетина чо ли?

– Ну-к то ли не знашь.

– Да как не знать-то, знаю, – вздохнула Авдотья и с вызовом подначила. – Да ить и я одна-то не хаживала.

Но оба опять надолго замолчали, вспоминая. Бит был Киприян за Авдотью и сам в долгу не оставался, не отступил, у всех ухажёров отбил девку-красавицу. И сватовство вспомнил Киприян, и как призвали в армию, и как вернулся в родную избу уж после войны к Авдотье и Сашке маленькому – первенцу. Смешалось всё, накатило враз, выбило из предательски неверных глаз нежданную слезинку.

– Чо, дед, замолчал? – разогнала его да свои думы вопросом Авдотья. – Где глина-то твоя, веди!

– Ак вон, в Долгом, – тихонько проговорил, нарочно глядя в сторону лога, дед.

– Ну-ко ишо расскажи, чо ты про её прочитал, – предложила Авдотья.

И Киприян не торопясь, чтобы чего-нибудь не пропустить, пустился ещё раз рассказывать.

– Вон чо лекарства-то рядышком, а всё куды-то на курорт едут, – подвела итог Авдотья.

– Дак вон у Сашки-то остеохондроз, поди поможет. Опять же у Ильи язву признали, – вспомнил Киприян сыновьи болезни.

– У Коленьки-то аллергия, вон в садик-то всё не ходил, а щас ить школа.

Весь путь до оврага перебирали недуги родственников.

– Эх, хлеба-то добры! – оглядел поля Киприян.

Оставили тележку и ведро и с одной лопатой спустились в овраг.

– Где копать-то? – спросила, рассматривая заросшие склоны, Авдотья.

– Сщас огляжуся, так-так-этак... – остановился Киприян, размышляя. – Тамо в устье должно быть.

– Ак чо ты сразу-то не сказал, телегу-то оставили.

– Да пусть она стоит, покопам, потом вместе и сходим. Куда торопиться-то?

Земля в овраге сырая, но плотная – ни болотца, ни топи. Тихонько побрели к устью. На правом склоне Киприян начал копать, отрезая пластики и отваливая в сторону. Скоро забелела влажномасленая глина.

– Смотри-ко, нашёл! – радуется Авдотья.

Всё теми же пластиками Киприян вынимает бело-голубую глину, складывая их аккуратными штабельками.

– Неуж та и есть?

– Так у их, вроде, про еку же написано.

– Я него по телегу пойду, – начала вставать Авдотья.

Хотел Киприян её остановить, да где же баба усидит. Пошла, поковыляла по густо заросшему склону. И радостно Авдотье от густого травяного духа, да от заботы такой нечаянной. Тяжело вползла на бугор, вниз взглянула: «Ох и сохся ты у меня, Киприянушко».

А Киприян всё копал, не торопясь, аккуратно сваливая пластики. Накопал аккурат на тележку и присел на травку, притомившись: «Да где она, старая?»

– Эй, Киприян, живо-о-ой? – донеслось сверху.

– А чо мне делается. Ташши давай ведро, да телегу-то там оставь.

Медленно, «с перекурами», натаскали старики в тележку белой, тяжёлой от воды глины.

– Надо яму-то подровнять.

– Пристал-ить ты, давай я зарюю, – схватилась за лопату Авдотья.

– Я ить тихонько, торопишься куда чо ли?

Тележку тянули к деревне по меже вдоль бровки лога вдвоём.

– Чо-то жарко стало, – посмеивается Киприян.

– А чо хоть попотешь, жар-от кости не ломит, – смеётся в ответ Авдотья.

Медленно, без остановок, за разговорами добрались и до деревни.

– Здравствуйте! – послышался из огорода слева ясный голосок.

– И тебе здорово, Еленушка! – приветствовал Киприян деревенскую почтальонку.

– Чего это везёте? – облокотившись на жердь забора, спросила Ленка.

– Да вот. В газетке-то пишут про глину, помогают от всяких болезней, попробовать хотели, – объясняет Киприян.

– Ну-ну, давайте, – подбодрила, отходя к своему парнику Ленка.

– Куды её девам? – спросил уже дома Киприян.

– А давай хоть в корыто, оттудова сколь надо и возьмём.

Утомлённые походом разбрелись отдыхать.

– Ох, отвыкла я от ходьбы-то, полежать чо ли? – пробормотала Авдотья, громоздясь на печь. –

Принимай, печка-матушка.

Растянулся на диване и Киприян. Оба скоро уснули...

А через год дед Киприян как-то неожиданно заболел и умер. Глина всё лежала в предбаннике в старом корыте плотным серо-голубым монолитом высохшая и необыкновенно лёгкая. Авдотья так и не дала выбросить: «Может, сгодиться кому, дедушко-то вон чо нахваливал».

ОДИН СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Морозное утреннее солнце с опаской, как-то тайком заглянуло в окошко. Ледок на стекле, с бархатистой изморозью на тонких кружевных завитках, тут же отозвался радостным жёлто-розовым отблеском.

«Пора!» – подумал уже заждавшийся Андрюшка.

– Ты куда это? – выглянула из горницы мать.

– Да вот, сходим с Кубиком в лес.

– Обождат бы хоть до обеда, потом ободняет, – попробовала отговорить мать.

Но Андрюша уже захлопнул дверь.

Во дворе отцепил Кубика, взвалил на плечо широкие отцовские лыжи, негромко притворил ворота, огляделся и зашагал по ещё дремлющей улице.

Тени путников смешно вытянулись в низких лучах солнца. Голова андрюшкиной тени так и прыгала по высоким корявым сугробам, и лыжи, которые эта тень несла, тоже то вдруг делались коротенькими, то неожиданно почти вдвое удлинялись.

Кубик, наслаждаясь долгожданной свободой, скакал по гладко отполированной машинами и ветрами дороге, оставляя на приметных только собакам местах метки, и в нетерпении трусил дальше.

За деревней Андрюшка надел лыжи и съехал с шоссе на заснеженную болотину. Наста ещё не было, и лыжи со звенящим хрустом потонули, скрылись под взрыхленными, похожими на пену, шуршащими обломками сугроба. Андрюшка вынул из ременного крепления левую ногу и «попробовал» сугроб. Нога ушла по колено. Хорошо, что широкие штаны надеты поверх валенок. «Нет, без лыж не пройти. Вот ведь умный кто-то их придумал. Досочки согнул, к валенкам приделал – вот и лыжи получились», – размышлял мальчик.

– Кубик, Кубик! – позвал Андрюшка.

Сзади послышалось сопение и хруст перемешанного снега. Тут же левая лыжа просела, а за ней и правая. Кубик, весело виляя завитком хвоста, ткнулся заиндевелой мордой в хозяйскую рукавицу.

– Ну что, друга, не пристал? – обметая ледяной налёт с пёсего носа, проговорил Андрей. В ответ Кубик снова вильнул хвостом, по-собачьи улыбнулся и, чуть не уронив хозяина, прямо по лыжам пролез вперёд. Оставляя извилистую борозду, побрёл по снежной целине.

Андрюшке было весело. Снега сияли, играли самоцветами на плоских гранях ещё не изломанных ветром снежинок, и сам воздух полнился неведь откуда возникавшим прозрачным сиянием.

– Эй, Кубик, поди, и ты тоже видишь, красота-то какая!

Кубик молчал, высунув язык, обдавал паром опять отросшую белую бороду.

– Ну, пошли что ли!?

В заветерье под бугром снега оказалось ещё больше. Увал – берег речной долины – возвышался над ними непреодолимой белой стеной. Чтобы забраться вверх, лыжи пришлось снять. Там, на кромке пашни, он вновь вддел ноги в ременные петли и направился к серому в дымке лесу. Ярое солнце низко повисло над ним, расцветивая искрами белое безмолвие. Андрюшка чуть зажмурился, но шаг не сбавил, шёл прямо на светило, к лесу. А солнце, пробиваясь сквозь деревья, словно дразнило мальчика, выглядывая из-за осин.

– Эй, Кубик, смотри – заяц бегал! – обрадовался Андрюха звериному следу. Кубик тут же уткнулся в след мордой. Скоро он уже шастал по кустам и овражкам.

В лесу лыжи опять увязли, Андрюшка с усилием передвигал ноги, но всё же упрямо брёл, обходя лесины, к солнцу. Кубик рыскал в азарте, возникая то справа, то слева, выслеживал добычу.

Лесок кончился, и вновь открылся искрящийся простор. Среди ровных белых полей огромными мамонтами высились соломенные зароды в снежных шапках. Друзья направились к ближнему.

Бежавший впереди Кубик попетлял возле золотистого соломенного бока, да тут же и воткнулся в него, довольно урча.

– Опять мышей гоняешь?! – поинтересовался Андрюшка.

Кубик молчал.

– Эй, мышелов, айда обедать! – позвал мальчик, забираясь по рыхлому склону. Кубик, никого не добыв, но страшно собой довольный, полез следом.

– Ну-ка, что тут у нас? – Андрюшка развернул газетный свёрток с мамиными пирожками. Кубик, перебирая лапами, ждал. Мальчик разделил пирожок и положил половину перед псом. Кубик её тут же проглотил.

С зарода даль открывалась и вовсе, казалось, неоглядная.

– Вон, смотри, козлы! – показал рукой со своей половинкой пирожка Андрюшка. Кубик послушно последовал взглядом за хозяйской рукой. Но кроме пирожка так ничего и не разглядел.

– Ах ты, обжора! – покорила Андрей, протягивая другу и свою половинку, с которой пёс столь же споро расправился.

Козлы шли не торопясь небольшим табунком, временами роясь в снегу. Подросшие козлята попевали за матерями. Здоровенные самцы двигались впереди. Кубик, целиком глотая куски, тоже стал озираться. Вскоре и он увидел косуль. Пулей выскочил из соломы, бухнулся в сугроб и с лаем кинулся на стадо.

– Кубик, Кубик, стой, дурачок! – вопил ему вслед Андрюшка. Но охотничий род всё гнал Кубика за добычей, а дворнягина нетерпеливая природа так и рвалась с привизгом из пасти.

Косули презрительно оглянулись и легко, с достоинством побежали. Скоро они скрылись за ближайшим колком. Кубик полаял ещё для порядку и вполне удовлетворённый вернулся к зароду.

– Фу, пустолайка, и сколь тебя учить? – выговаривал Андрюшка, отдавая собаке последний пирожок.

После они ещё долго бродили среди колков и зародов. Андрюшка объел нарядный куст боярки. Но солнце уже полезло за чернеющий лес и скоро подожгло его скупой январской зарёй.

– Ну, друг, айда домой, – позвал Андрюшка.

Из лесу обдало морозом. К закату он опять набрался сил. В холодной тишине леса чернели осины, берёзы почти сливались со снегом, только у комля прорисовываясь тёмными пятнами коры.

– Страшно? – шёпотом спросил мальчик.

Кубик понуро брел по лыжне. Но Андрюшка знал, что лохматые уши пса слышат всё, а глаза зорко следят и за хозяином, и за лесом.

Хотя лес уже почти кончился, светлее не становилось. Ночь накатывалась неумолимо. То тёплыми солнышками, то синим холодным светом засияли огоньки деревень. Над ними висели еле уловимые в сумерках пологи дымов. Там были люди. Лес уже не казался родным и знакомым, захотелось скорее домой.

Вот и дорога, по которой возят сено в деревню.

– Как асфальт в городе, – подумал Андрюшка, снимая лыжи. Ноги никак не хотели идти пешком, так и стремились скользить, как на лыжне.

Неутомимый Кубик опять кружил в поисках собачьих меток. Кончался ещё один счастливый день Андрюшкиного детства.

БОРОВЛЯНКА

В тряском пыльном ПАЗике тепло; сквозь тусклые, промёрзлые и грязные стёкла видно, как с неожиданной радостью пробивают бор утренние лучи весеннего солнышка. У дороги кое-где ещё снежок затаился, спасаясь в кюветах и за мощными стволами сосен, как затравленный зверёк, чужая гибель и безропотно её ожидая.

Пассажиров с утра немного, кто же из Кургана поедет в такую-то рань? Две бабульки подозрительно косятся в нашу сторону, оглядывая амуницию – потёртые джинсы, выцветшие штормовки и рюкзаки, резиновые сапоги да лопатки.

Едем втроём, позёывая и, наверно, слишком громко обсуждая дела для многих непонятные и поэтому, возможно, опасные.

– Откуда зайдём? – спрашивает Максим – высоченный детина в камуфляжной куртке.

– Да как в прошлый раз – справа, а потом наверх, – говорит Андрей Владимирович, наш преподаватель-геоморфолог.

– Снег в лесу-то, – замечает Максим.

– А мы через плотинку на ту сторону.

У деревни Заборской выходим. Заборская, и правда, за бором, на дороге только железный козырёк автобусной остановки и указатель с надписью.

По карте идём проверять забитые в овражках прошлой весной репера – куски стального прута. Пробегаем пустые участки и по прошлогодним дневникам сверяем рост промоин.

С утра работа спорится. Даже солнце будто подпитывает, как летом, щедро паля на опушках распаренную хвою и жухлую прошлогоднюю траву.

У Заборки точек мало, быстро продвигаемся к маленькому водопадику среди ивняка и кочкарника. С него и начинается Боровлянка – одна из речек, питающих могучий Тобол. Лес, оказывается, уже оттаял, поэтому на плотинку не пошли, идём мимо к следующему реперу. И так – от точки к точке – подбираемся к «водопаду».

Вода, отшумев в апреле, спала, вернулась в узенькое руслице, весело бурля на перекатах. Легко перешагиваем речку и направляемся обратно по правому берегу. С этого берега раньше оттаяло, и вода с удовольствием проела талую землю. Тут, на солнцепёке, весна буйствовала всюю. Старые овраги разрыла-разворочала, а кое-где по дорогам наметила новые. Летом дожди вдохнут и в них жизнь. Некоторые репера не нашли – смыло, вместо них вбили новые.

Из-за освоившего маленькую боровлянскую долинку осинника в прошлый раз, осенью, вдруг вынырнули, завладев пейзажем, поднявшиеся за одно лето белокаменные коттеджи с сияющими оцинкованными крышами. Тут и был построен новый мост-плотина. Добротный, из бетонных плит поверх огромных железобетонных труб, пропускавших излишки воды. Боровлянка разлилась

у этого тихого «заповедника» приличным, довольно живописным прудом. Направляемся к плотине – в самый раз бы перейти. Но что-то недостаёт в пейзаже, хотя и «замки» на месте, и двухметровая стена вокруг.

– А пруд где?! – удивляется Андрей Владимирович.

Спешим за ним. На месте плотины – широкая рана с нелепо торчащим углом бетонной плиты.

– Вот вам и Боровлянка! – радуется чему-то Максим.

А Боровлянка внизу всё так же весело бурлит, игриво перескакивая через другой бетонный угол. А дальше среди ивовых кустов да осин, насколько видать до поворота, растянулись останки плотины – плиты, трубы, битый кирпич вперемешку с глиной. Разнесла-разметала их речка. Хоть и мала, а не стерпела оков, выиграла могучей весенней яростью да и опрокинула в одночасье, не пожелав над собой чужой воли. И «замки» как-то вдруг съжились, и сияние крыш потускнело.

К остановке пробрались через бор. Записанные в дневники материалы для будущих дипломных работ лежали в рюкзаках – покрытые цифрами тетрадные листы. Говорили, однако, вовсе не о них, а об этом буйстве стихии, этой неукротимой вольной удали. «Эх, так бы по жизни мчать, разбивая преграды, не замечая врагов, вперёд, как эта речка!» – заметил Андрей Владимирович. Нам же, зелёным студентам, оставалось только молчать да думать.

ЖАР-ПТИЦА

О Жар-птице слышал всякий. Живёт это чудо где-то далеко. Конечно, сказка, но во всякой древней сказке есть хотя бы доля правды.

Велик мир, и птиц в нём множество, да только так и не нашли Жар-птицу. В Индии павлин-красавец, а по сути – та же курица. Попугаи и умны и красивы, но уж больно низкого полёта, хулиганы, да и другие всякие со своим изъясном.

Кого из них выбрать? Где искать? В сказках место не указано. А может, она рядом где-то живёт? Петух – куриный воевода, например, чем не Жар-птица? Бывают такие огненно-яркие,

голосистые. Только беда: не любят они зноя, уводят своё семейство в тень, и в ночь до пяти раз поют, а не только встречу жаркому солнцу.

Но есть другой земляк, в самом имени которого запрятан древний смысл. В нём и солнце, и жар, и свет. Птичка эта всегда рядом, хотя и незаметная, неяркая. Но случись утро без её солнечной песенки, и день окажется долгим, дремотным. И кто-то скажет: «Затянется ненастье – давление падает». Несколько дней солнца не увидеть, не пробьётся и луч сквозь плотные серые тучи. Молчит Жар-птица, будто и нет её в природе.

Но только польётся с ветвей солнечная песнь, и тихая радость наполнит всё сущее, истают тучи, изорвутся в клочья, а потом и вовсе истлеют. Очнётся природа, и люди тоже как бы просыпаются ото сна, опять легко спешат по своим суетным делам.

За давностью лет мы уже не чтим ни солнца, ни птиц, встречающих его, ни их древнее имя. И на вопрос об имени птицы той, не задумываясь, ответим: от призыва «вора – бей». Ну почему вора, что украла эта птаха?

Можно подойти к имени её и по-другому. И получится не «вор», а высветится древнее светлое и жаркое слово «ра» – солнце. Выходит: имя это – высокое звание, не многим данное: во-ра-бий – во солнце бывший. Возвещать о светлой жизни явилась в мир Жар-птица воробей – непоседливый лучик солнца.

В ЛУГАХ

Много чудес на свете. И зачем они так нужны людям? Едут за ними в Тридевятое царство или усядутся к телевизору, и не оторвёшь – чуда ждут. И невдомёк, что есть чудеса попроще и поближе, надо только чуть остановить суетный бег, и они нахлынут, успевай лови да запоминай. Легки они – едва отвернёшься, и всё – исчезли, как и не было. У каждого времени года свои чудеса, но всё же самые яркие рождаются по весне, когда зимние чудеса уже не в радость. И сколько бы ни прожил на свете человек, а опять весной всё будто впервые.

Ворвётся в чёрно-белый мир скворцова песня – вот вам и чудо. Вон первый ручеёк, вон снег с крыши сполз. А уж когда жаворонки запоют, да засвистят в ночном небе утиные крылья, и вовсе только успевай поворачивай голову – везде чудеса!

В апреле обрушится целый ворох запахов. Тополиные почки, лопаясь на солнце, роняют липкие душистые чешуйки. И однажды, придя домой, обнаружишь их намертво приставшими к обуви и подумается: «Опять тополя...» И тут же: «Вот и весна пришла!»

Скоро свежая травка развернёт первые пряные листочки. А рядом черёмуха, застенчивая поначалу, совсем одуреет и разом вывалит белые букеты. Постепенно и река справится с половодьем, войдёт в берега...

Случилось мне в эту пору быть в лугах. По потаённым болотцам призывно голосят утки, кого перекрякает. Со свистом и шавканьем проносятся селезни. В выси тяжело поправляет крыльями полёт серая цапля. По кустам щебечут малые птицы. Иду, оглядываю молоденькую зелень тальников, вдыхаю её живительный аромат. На фоне сладковатого запаха бурого ила он кажется совсем невесомым, порыв ветра его тут же уносит. Открытый солнцу ил принял в себя всякую живность, и она теперь там буйствует в сытом тепле. Живёт и умирает, от того и дух этот хоть и живой, а всё же тленный. Заполнил ил все луга: на кустах, на траве. Везде он, запах этот, повсюду. Но время от времени и его побеждает нахально-сладкий черёмуховый угар.

Вдруг откуда-то необыкновенно яркий и какой-то одинокий в этом царстве ила яблоневый аромат. Может показалось? Нет, настойчиво заглушая все прочие запахи, благоухает яблоневый цвет. Неужели вправду яблоня? Бросил лодку и налегке обхожу кусты. Где?!

На краю кустарникового пояса, что окружил наполненную до краёв старицу, раскидала свежую листву престарелая талина, за ней-то и скрывался бело-розовый шар – яблоня. Зелени на ней не заметно. Кажется сплошь одни цветки. Одна себе во всех лугах, цветёт, радуется. Подивился я и побрёл своей дорогой.

Осенью решил проведать яблоню. Места совсем изменились: кусты потемнели, трава поднялась. Ищу. Вот она под ивами – не знал бы и не нашёл. Вся усыпана яблочками побольше

горошины. Тоже чудо: в лугах – и вдруг яблоки, да почти без кислинки, сладкие. После заморозков яблоня встретила меня мягкими мармеладными плодами, а когда выпал снег, предстала среди чёрно-бурой чащи чудо-деревом.

В стужу склевала яблоки нечаянная орда свиристелей, а ставшая незаметной между соседями-тальниками яблоня спала, ожидая зовущего весеннего солнца, чтобы, пробудившись, опять радоваться жизни и удивлять заплутавших рыболовов.

ОСЕННЯЯ ТИШЬ

Сытая осень. Время замерло и течет вяло, нехотя. Ночами звездится небо и хрустит под ногами призрачный, словно тень, белёсый цепкий иней – дыхание ещё далёкой зимы.

Тишина вселенская, даже собаки замерли, прислушиваются, ловят хоть какой-то звук. Нехотя ворчат из глубины дворов, слыша мои гулкие шаги. За деревней звуки летят в мгlistую даль, разрушают эту хрустальную тишь. Сворачиваю с дороги на упругий травяной ковёр, теперь из-под ног пробивается лишь звонкое шуршание.

Над рекой – белая от огней деревни испарина. За ней – мерцающая чёрная пустота, а сверху лучатся звёзды.

Перехожу мост. Лампы деревенских фонарей спят. Каждый шаг – в неизвестность...

Скоро проявляются дорога и моя долговязая от далёких теперь фонарей тень. Чёрными провалами видятся ямки и дорожные колеи, а болотце справа – точно пропасть.

В лугах высокие травы спутанной куделью встречают в полной тьме стылую резину сапог в сто крат усиленным хрустом. Кажется, этот шум наполняет всё пространство не на одну сотню метров вокруг. Стоит остановиться, и тишина накрывает с головой. Ничего не изменилось – спят луга.

Стволы ружья впитывают пронизывающий всё предрассветный мороз. Сапоги одеревенели, ледяными тисками охватили ноги. Ещё шаг, и с тем же хрустом осыплются на иней осколками.

У озерины вдруг звон исчезает, травы отзываются обычным шуршанием. Становится заметно теплее. В недвижных посохших камышах у берега даже сквозь сапоги от воды проникает тепло. Озеро за лето накопило солнечный жар и сейчас согревает свои берега, продлевает жизнь последним осенним цветкам, травам-однолеткам, слизнякам и всяким букашкам. Ещё хоть немного порадуются.

Солнце всходит быстро, уже розовым светом озарены кусты на том берегу. Утки поднялись, только далеко – не попасть. Запорхали пташки. Высоко в лазоревой дали, ломаясь и перетекая в сторону Убённовского лога, потёк журавлиный клин.

Домой идти легко, добычи-то нет. Ожил мир. По дороге движутся машины. У берега реки – стадо коров. В прозрачном воздухе краски яркие и чёткие. И всё та же осенняя тишь...

СИЛЬНЫЕ ЗВЕНЬЯ

Солнце катится по крутой горке вниз и будто ещё напоследок оглядывается, повисает над горизонтом. Тяжёлый прокалённый воздух наполняется стрекозами и злыми комариками, начинает потихоньку остывать. Небо, наоборот, словно отбирает у него жар, разгорается на западе огнём. На востоке яркими розовыми кучами грудятся сонные облака. В кустах и низинках густеют сумерки.

На костре уже бурлит уха, и нос, отзываясь на её немой призыв, так и тянется к котелку. Тело ликует от долгожданного отдыха, полными лёгкими втягивает и сытный дух ухи, и едкий дымок весёлого костра, и последние нежные медовые разливы предзакатного разнотравья.

Пожар на западе догорает, тучи чернеют и тают во тьме, на небо высыпают несметные звёзды.

Уха обжигает губы и руки сквозь железную тарелку, чебаки совсем разварились, и их мелкие косточки то и дело попадают некстати в ложку.

Звёзды мерцают и манят. Из-за кустов, что высятся вдали грозным чёрным воинством, крадучись подползает по макушкам трав тонкий, необыкновенно белый туман.

Костёр расправился с ветками, задремал, потрескивая угольями. Спину давно холодит, но двинуться и пробудить огонь новыми подношениями почти невозможно. Мрак и мерцание пепла заворожили. Так и усну сейчас. Мир замер...

Прозрачную тьму пронзает неожиданный металлический звон. Стреноженный коняга вскинул голову, брякнув боталом за рекой. Резко и отчётливо слышатся в тишине откуда-то издалека позывные «Маяка» – какие-то рыболовы радио слушают. Меж звёзд пробирается, то вспыхивая, то пропадая спутник...

Надо дать какой-то знак, объявить о себе живым. Топор яростно рубит обречённый сушняк. Костёр помешкал для приличия, но всё же взялся за своё древнее дело, вскидывает в небо новые яркие вертлявые звёздочки искр. Из туманной мглы возникают мокрые от росы тучные травы и косматой зелёной стеной ивовый куст. Двигаться... Что же ещё сделать-то? Может, посуду помыть? Костёр трещит, мечется за спиной. Тень извивается, прячется от живого огненного сияния в камышах, между листьями кипрея и лопуха. В реке отражаются ночные светила, пляшут, раздваиваются и вновь сливаются. Тёплая звездистая вода бесшумно принимает тарелку. Меж звёзд бегут круги, всё дальше несут весть о вторжении. Скоро отозвались невидимые кусты на том берегу, и круги уже бегут обратно, пересекаются. Звёзды выписывают причудливые зигзаги, роясь огоньками. Плескание разбудило дремавшую в тростниках рыбину, и та бухнула по воде. Ожила, зашевелилась река...

Наверное, там, вдали, кто-нибудь увидит мой костёр. И он станет вместе с рекой и ветром ещё одним маленьким звеньшком в тонких цепочках событий, что творят земной мир, нашу Вселенную. Тех цепочек, которые и называют – жизнь.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

– Не было в прошлом году скворков-то, а нынче – вон, работает, – показала мама в окно на суетливую чернобокую птаху. – Кот подкараулил самочку да изловил, наверное, с крышки скворечника. Принёс, похвастался. Отобрала, да, видно, крепко придавил, умерла.

Скворец вытряхивал старый мусор, по ветру несло мелкую труху, пух, вниз падала старая скорлупа, затем целое голубенькое яичко. Упав, оно не разбилось, видимо, высохло. Ещё с прошлой весны уцелело, запаренное, осиротевшее.

Передохнув на столбике, скворец ненадолго исчез, вскоре появился с пучком какой-то травки, юркнул с ним в скворечник. Снова в спешке выпорхнул оттуда. И всё молча, без обычного залиvistого разноголосья.

Завидный жених нынче наш скворечник приметил. То ли молодой, то ли тот овдовевший веснопевец. И всё-то ладком у него, по порядку. Устроился по-хозяйски, «квартиру» приготовил. Настал черёд и хозяйошку выбирать. После полудня уселся на провода, посидел, подбирая мотив, и завыводил негромкие коленца. Временами останавливался и оглашал округу резковатым пронзительным свистом. Старался он всю, приподнимался на лапках, широко раскидывая крылья, трепетал ими в такт песне. То ли на громкий свист, то ли песня скворушки была хороша – возникла на проводе скромная скворчиха. А певец уже разошёлся, не умолкал. Вот уже и вторая рядом, а там и третья... Чем кончился концерт, не знаю, настала пора уезжать домой, в Шадринск.

В другой раз вились скворцы у гнезда на пару. Приветствовали новую весну, дивясь новой жизни, что притаилась в тёплой глубине обновлённого гнезда!

– Нынче вас не разорят, нету кота-то. Живите, радуйтесь.

А хозяин, воровато глянув на лаз скворечника, где скрылась супруга, свернул к проводам и не утерпел, разразился-таки удалой весенней песней.

А ЛЕТО ЯГОДНО

Случаются за Уралом разные годы. Бывает, делается тёплой, промозгло-нездоровой зима, и потом такое же лето. Тянутся, моросят раздутые тучи. А то всю зиму маются, стонут от мороза провода, а в июле сворачиваются на жару да безводье листки огурцов, и незрелая смородина варится в собственном соку прямо на кустах. Много реже выпадает в аккурат сырой, не жаркий июнь, трава растёт яростно и неостановимо, как говорят, «в дуринушку». Земляника наливаются соком и тихонько напевают. К июлю её сменяет клубника. И уже бредут нетерпеливые бабушки с полными вёдрами ягоды.

– Ух, ноне ягод-то сколь! Успевай бери. Лето ягодно!

К выходным налетит механизированный десант горожан.

– Всё ить скутовят, саранча! – недобро выговаривают бабули.

Но и эти ягодники исчезают, а клубника всё не иссякает, будто за ночь кто её рассыпает по увалам да логам. Уже измяты буроватые тройные листья, а сочные ягоды вновь проглядывают сквозь жёсткие стебли трав.

К концу июля в лесу начинает тяжелеть костяника.

– Лико чо, костянки-то Бог дал! – радуются неумные собирательницы и ташат, пыля по иссохшей на солнце дороге, наполненную соком ношу. Скоро среди костянки в вёдрах начинают появляться вишня и черёмуха.

– Черёмушка-то шибко сладка налилася, – сообщают лесовухи.

Так потихоньку добираются и до калины, она хоть и неказиста на вкус, но мимо не пройти. Напоследок, под занавес, выйдут на сцену боярыня-боярка и шиповник.

– Шипиги бы засушить, – уговаривает хозяйка охотника, – набери в лугах-то.

И он как должное приносит сочные, с колючими орешками плоды.

– Ну вот, хоть кака-то от твоей охоты польза.

А когда вечера станут затягиваться, горюют собирательницы:

– Напарила калины, глубянки засушила. Варенья-то бы ещё поварить, да сахару не напасть.

Довольные ценители их стараний замечают:

– Ну вот, всё бабе неладно. Ягоды есть, так сахару мало, сахар закупит – Бог ягод не даёт. Умно всё в природе-то – равновесие, баланс по-писаному.

МОЧЕНЬЕ

Лето, июньский зной, каникулы идут уже больше недели. Купальный сезон месяц как открыт, но дома по давней традиции до срока стараемся об этом не говорить.

– Когда уж Моченье-то? – пытаем друг друга.

– Вечером у бабушки спрошу.

Уже на закате предлинного дня, в который происходит столько всего, что зимой и за неделю не случится, подсел я к бабушке на лавочку у ворот.

– Баба, а почему до Моченья не купаются?

– Вода ишо холодная, судорога схватит, – как-то нехотя объясняет бабушка.

– А кто такая Судорога?

– Да нога заболит и утонешь.

– А когда Моченье-то бывает?

– А вот как самы долги дни будут, по-старому – двадцать второго июня.

– А сегодня какое? – спрашиваю в недоумении.

– По-старому ишо май, двадцать восьмое. А по-ннешнему десятое июня. Никитин день сѣдня, гусей выгоняют.

– А в Моченье чем занимаются?

– Раньше большой праздник был. Робята нас, девок-то, всё стремились в воду спихнуть. А мы, девчошки, спрятамы в ограде да глядим, кто мимо идѣт. Как кто подходящий, так выбегали да из ведра его. Старики и те купались...

– А мы уж давно купаемся, – напрашиваясь на похвалу, перебиваю я.

– Кого с вами сделаешь, с безбожниками, – корит меня бабушка. – Не стали никого бояться. Мы-то до Калистратова дня огурчика не сорвём, мамоньки боимся, да ишо Сунега огуречники-то караулит. Вы и не знаете про неё. А в малине Рогозан живёт. До первого Спасу малинку в рот не положишь, до второго – яблочко не сорвёшь. Бывало, ходишь возле гряд да кустов, спокастить охота, да боязно. Так и до Моченья – Иванова дня – только с плотика ногами поболтаешь, да и всё. А уж в Моченье сухому быть нельзя. Кто сам ныряет, а кого за ручки, за ножки да в воду. Всяко было...

Засиделась в тот вечер бабушка. Предметы уже потеряли оттенки в матовом зареве июньской полночи, стали серыми и бесформенными. Крупные ленивые комары загундели нехотя, прилипая к лицу и рукам.

Бабушка засобиравалась домой. Пошагала по улице, опираясь на палку-бадог, согнулась будто от тяжёлой ноши, помахивая сумкой с литровой банкой молока. И такой древней и мудрой бабушка показалась мне тогда...

К встрече Моченья мы подготовились по-своему. Изготовили брызгалки из пустых бутылок от шампуня и улили друг друга с головы до ног, да и домашним досталось. А если гневался кто, отвечали: «Моченья ведь». Для себя же решили: есть большие праздники – календарные, с ними по радио поздравляют, – есть ещё и другие – с которыми поздравляют и родню и друзей. И непонятны они, а все весёлые. Видно, древние.

И как на реке в тот день было тесно! Не только ребятня, но и взрослые после работы потянулись. И это опять было непонятно. Знают люди о древних праздниках, помнят. Так что же в школе-то про них не говорят. Это же наше, от природы, воды и неба! Родное.

ПРИМЕЧАНИЯ

Коврига и Коврижка

Рассказ написан весной 1999 г. Впервые опубликован под названием «Коврижка»: Исеть (Шадринск). – 1999. – 22 июня. – (Шадрин-городок: Литературно-краеведческий выпуск). В 2002 г. в переработанном виде под заголовком «Коврига и Коврижка» вышел в № 3 детского журнала о природе «Муравейник» (г. Москва).

Рёлка – заливной луг; здесь и далее – имя собственное, топоним. Колок – берёзовая, осиновая роша. Бугор (угор) – здесь: крутой склон долины. О молодых соснах в Ковриге говорят только так: сосёнки (и никогда сосенки). Далее ударения в диалектных словах поставлены по произношению коврижан.

Отцовский урок

Рассказ написан в марте 2000 г. Опубликовано под названием «Дурной костерок»: Исеть. – 2000. – 25 мая. – (Шадрин-городок).

Поправились – закончили дело. Сказаться – сообщить, отпроситься. Ночева (с ночевой) – ночёвка вне дома. Срядиться – здесь: собраться. Таган – тренога для подвески котелка. Складешок – раскладной нож.

Лукерья-Комарница

Рассказ написан в мае 2000 г. Впервые опубликован: Исеть. – 2000. – 13 июля. – (Шадрин-городок). Так же опубликован в литературно-публицистическом альманахе «Тобол» (Тобол. – Курган, 2002. – № 1(9). – С. 150-151).

Вица – тонкий длинный прут. Поскотина – пастбище; здесь: место сбора стада.

Старо Поле

Рассказ написан в июне 2000 г. Впервые опубликован под названием «Старо Поле, или как хорошо иметь домик в деревне»: Исеть. – 2000. – 24 августа. Под первоначальным названием опубликован так же: Тобол. – Курган, 2002. – № 1(9). – С. 147-149.

Зарод – стог сена. **Оберук** – прокос одним замахом косы, взятой в обе руки (по-классически).
Вёдро – ясная погода.

Соловьино

Рассказ написан в марте 2002 г. Впервые опубликован под названием «Соловьино»: Шадринский охотник (Шадринск). – 2002. – Апрель.

Ботать – ловить рыбу с помощью ботала (шеста с металлическим конусом, издающего в воде резкие характерные звуки, пугающие рыбу). **Стрежь** – стремнина, главный поток в русле реки. **Матёрый берег** – речной берег, сложенный слаборазмываемыми плотными породами. **Тальник** – заросли кустарниковых ив. **Ноне** – сейчас, нынче. **Нагалились** – надругались, опозорили. **Плавить сеть** – способ лова рыбы, когда двое, следуя по течению в лодках или по берегу, растягивают сеть поперёк реки, а третий на лодке выбирает рыбу и поправляет сеть. **Сквознячок** – рыба, проходящая сквозь сеть. **Верескает** – здесь: гремит (о громе). **Костры** – здесь: посевы многолетних трав.

Ездюки

Рассказ написан в июне 2002 г. Опубликовано: Исеть. – 2002. – 28 августа. – (Шадрин-городок).

Польской – полевой (иногда: лесной). **Дуброва** – в Зауралье: крепкий берёзовый лес. **Сметать** – собирать копны сена в стог. **Стан** – место отдыха механизаторов и полевой стоянки сельскохозяйственных машин. **Большенький** – крупный. **Обабки** – грибы подберёзовики.

Охотнички

Рассказ написан в апреле 2001 г. Опубликовано: Шадринский охотник. – 2001. – Август.

Старица – старое русло реки. **Скрадывать** – скрывать (скрад – засада). **Телорез** – водное растение, образующее покров на поверхности стоячих водоёмов. **Косатая** – серая утка; дикая утка

кряква. Заулок – переулок. Красноголовик – утка нырок. Бродком – вброд. Таском – волоком (волоча за собой).

Последнее плавание

Рассказ написан в феврале 2001 г. Публикуется впервые.

Ободняло – наступил день: поднялось солнце, испарилась роса. Дойка – здесь: летний загон на постбище. Ледник – холодный погреб. Проран – промоина.

Старица

Рассказ написан в мае 2000 г. Впервые опубликован: Исеть. – 2000. – 28 сентября. – (Шадрин-городок). Так же: Тобол. – Курган, 2002. – № 1(9). – С. 149-150.

Отава – трава, выросшая в тот же год на месте скошенной. Стан – здесь: бивак, место отдыха. Дурбень – заросли сорных растений. Полая вода – высокая вода в половодье. Боярка – боярышник. Режёвая сеть – трёхслойная сеть (режь – диль – режь); диль – основное полотно сети с ячейей определённого размера; режь – крупное ячеистое полотно, необходимое для образования кошеля – мешка из дили, препятствующего выходу рыбы из сети.

Водополица

Рассказ написан в марте 2000 г. Впервые опубликован под названием «На разливах»: Исеть. – 2000. – 24 августа. – («Шадринский охотник», № 3). Опубликовано так же под первоначальным названием: Тобол. – Курган, 2002. – № 1(9). – С. 151-152.

Водополица – половодье. Потёмки – темнота; время от заката до рассвета. Штевень – поперечные брусья лодки, придающие ей жёсткость и форму, сшивая днище с опалубкой бортов.

Мухтар

Рассказ написан в январе 2001 г. Впервые опубликован: Шадринский охотник. – 2001. – Март. Так же: Шадринский курьер (Шадринск). – 2001. – 12 сентября.

Леший

Рассказ написан в марте 2000 г. Впервые опубликован: Исеть. – 2000. – 30 марта. – (Шадрин-городок). Так же: Исеть: Литературно-художественный альманах. – Шадринск, 2000. – С. 70.

В лугах

Рассказ написан в апреле 2001 г. Опубликовано под названием «На лугах»: Исеть. – 2001. – 14 июня. – (Шадрин-городок).

Чаща – здесь: густой кустарник.

Осенняя тишь

Рассказ написан в октябре 2003 г. Опубликовано: Шадринский курьер. – 2002. – 23 октября. – (Пятницы на Михайловской, 82: Литературно-краеведческий выпуск).

Кудель – пучок волокна (чаще льна или шерсти), свиваемый в нить при помощи веретена.

Сильные звенья

Написан в октябре 2001 г. Впервые опубликован под названием «Звенья»: Шадринский курьер. – 2002. – 8 мая. – (Пятницы на Михайловской, 82).

Ботало – колоколец.

Весенняя песня

Рассказ написан в апреле 2002 г. Опубликовано: Шадринский курьер. – 2002. – 23 апреля. – (Пятницы на Михайловской, 82).

Агафон

Рассказ написан в декабре 1999 г. Впервые опубликован: Исеть. – 2000. – 13 апреля. – («Шадринский охотник», № 2). Так же: Исеть: Литературно-художественный альманах. – Шадринск, 2000. – С. 68.

Норить сетями – способ подлёдного лова, когда сеть устанавливается под лёд через лунки с помощью шеста; улов вытягивается в прорубь у берега сетью, привязанной верёвкой к колу, затем с помощью верёвки, привязанной с другого конца сети, затягивают сеть обратно под лёд через прорубь у противоположного берега; снасть может использоваться всю зиму, пока лёд крепок. Слякиша – мокрый снег; снег с дождём.

Боровлянка

Рассказ написан в апреле 2000 г. Опубликовано: Исеть. – 2001. – 28 марта. – (Шадрин-городок).

Промоина – здесь: овраг.

Глина

Рассказ написан в июне 2001 г. Опубликовано с подзаголовком «Рождественский рассказ»: Шадринский курьер. – 2002. – 1 января.

Один счастливый день

Рассказ написан в январе 2002 г. Опубликовано: Шадринский курьер. – 2002. – 13 марта. – (Пятницы на Михайловской, 82).

Горница – большая комната деревенского дома. Ярое – яркое; яростное. Козлы – косули. Пристать – устать. Лесина – ствол дерева.

А лето ягодно

Рассказ написан в январе 2002 г. Впервые опубликован под названием «А лето ягодно!»: Шадринский курьер. – 2002. – 10 июля. – (Пятницы на Михайловской, 82).

Скутовить – измять; оставить в беспорядке. Костянка – костяника. Глубянка – клубника.
Шипига – шиповник.

Жар-птица

Рассказ написан в 2003 г. Впервые опубликован под названием «Зауральская жар-птица»: Шадринский курьер. – 2003. – 5 февраля. – (Пятницы на Михайловской, 82).

Моченье

Рассказ написан в июне 2003 г. Опубликовано: Шадринский курьер. – 2003. – 18 июня. – (Пятницы на Михайловской, 82).

Спокастить – здесь: сделать тайком что-либо запретное.

Все рассказы печатаются в переработанном виде.

СОДЕРЖАНИЕ

Коврига и Коврижка

Отцовский урок

Лукерья-Комарница

Старо Поле

Соловьино

Ездюки

Охотнички

Последнее плавание

Старица

Водополица

Мухтар

Леший

Агафон

Глина

Один счастливый день

Боровлянка

Жар-птица

В лугах

Осенняя тишь

Сильные звенья

Весенняя песня

А лето ягодно

Моченье

МУРЗИН АЛЕКСЕЙ НИКИТИЧ

Родился 17 апреля 1973 года в селе Ковриге Шадринского района Курганской области.

В 1988 г. окончил восьмилетнюю школу в селе Ковриге. В 1990 г. после окончания средней школы № 1 г. Шадринска поступил в Курганский государственный педагогический институт на естественно-географический факультет. В 1995 г. получил диплом учителя географии и биологии, стал преподавать географию в школе-лицее № 1 г. Шадринска.

В 1999 г. в газете «Исеть» опубликовал первый рассказ «Коврижка». В 2002 г. в переработанном виде под заголовком «Коврига и Коврижка» рассказ увидел свет в детском журнале о природе «Муравейник» (г. Москва).

Рассказы «Агафон» и «Леший» в 2000 г. напечатаны в рубрике «Дебют» литературно-художественного альманаха «Исеть» (г. Шадринск). В 2002 г. рассказы «Старо Поле», «Лукерья-Комарница», «Старица» и «На разливах» вошли в литературно-публицистический альманах «Тобол» (г. Курган).

Автор более двух десятков рассказов, цикла научно-популярных этнографических и исторических очерков, увидевших свет в шадринских и областных периодических изданиях, статей о зауральской природе, напечатанных в газете «Шадринский охотник».

С августа 2001 г. работает директором Шадринского краеведческого музея им. В. П. Бирюкова.